

ВАЛЕНТИНА СИДОРЕНКО

ВОЗВРАЩЁННЫЕ ПИСЬМА

Выбранные места из переписки с крёстным сыном о Гоголе Николае Васильевиче, литературе и жизни

*Светлой памяти моего крестника
инока Почаевской Лавры Сергия (За-
белло) посвящаю*

Письмо предначертательное

Эти письма передал мне твой отец, Сережа! Они были перевязаны монастырской тесьмой с той же тщательностью, которую ты имел при жизни. Над головой твоего отца ясно светился скорбный нимб. Он сочетался с белизной его седины. Отец долго и упорно искал тебя, а нашёл твою могилу.

Странное и глубинное чувство испытала я, когда рассматривала фотографии панихиды о тебе и могилы твоей. Всё же это было состояние покоя. Ты прошёл очень сложный путь, пережил не только несчастья, но изжил грехи свои, очистился слезами и страданиями. За то Господь отвёл тебе положенный для останков клочок древней, 600-летием намоленной монастырём земли. И теперь никто и ничто не разлучит тебя с отцом, матерью, родиной и Отечеством.

Мы с отцом твоим всё же виноваты перед тобою и твоим поколением. Виноваты всей сутью и тем ремеслом, которое было нам вручено судьбиною. Знаю, что ты всех простил и нас тоже...

Молю Господа о твоём упокоении со святыми, которых ты очень любил при жизни. И ты помолись о нас.

Теперь уж мы всегда вместе.

*Твоя крёстная мать
н. р. Б. Валентина*

Письмо первое

Чадо моё бесценное, Серёжа! Да хранит тебя Господь от всех напастей неприкаянного смутного нашего времени. Слава Богу, что я так и осталась по жизни "тундра тундрю", не освоив мрачного монстра нынешних дней – компьютера. Моя техническая безграмотность доставляет мне глубокое наслаждение ждать и читать твои письма, подолгу разбирая спешный твой почерк, с неровно ныряющими буквами, словно воробьи под стрехи. Да, первое, что

уничтожил этот убийца человеческой памяти, — эпистолярное наследие — самое верное свидетельство человеческого бытия, подробное и достоверное.

Я всегда говорила тебе и продолжу утверждать, что компьютер — самый мощный инструмент текущего века в руках вечного вражины рода человеческого — дьявола — по уничтожению человека. Этот чёрный квадратик стирает всякую память на клеточном уровне, не даёт привиться трудовым навыкам и лишает человека собственной воли и желания двигаться физически. Уже сама переписка — это суррогат письма, формирует клиповое сознание, отрывистое и разорванное, как собачий лай, вырождаясь в кнопочно-стандартную речь. Я уже не говорю о почти наркотической зависимости, потере зрения и слуха и прочей мелочи. Главное, что истребляется — стволовая сущность человека, та, которую однажды вдохнул Господь в сотворённую им глиняную особь...

Прости меня, дорогой, за ворчание. Здравствуй!

Я рада твоему письму, с грустью осозная, каких трудов оно тебе стоило. Но ты уж постарайся ради своей старой крёстной, ставь букву за буквой на белой страничке своей школьной разлинованной тетрадки. Помнишь, как мы с тобой учились писать? С какой радостью ты трудился тогда, высунув язычок! Тетрадей для тебя я припасла большую пачку и по мере надобности буду тебе высылать. Глядишь, вновь вернёшься к своим дневникам!

Видит Бог, я не хотела твоего поступления в духовную семинарию. Богу ведь везде можно послужить, и без специального образования.

Я иногда думаю, что наши неграмотные предки, в частности, твоя прабабушка, служили Господу нашему с гораздо большим усердием и любовью, чем многие из нынешних духовных лиц, прошедших сквозь семинарии и академии.

“Знания надмевают, а любовь назидает”, — по апостолу Павлу. А по знаниям и искушения... Но, видно, таковой тебе уготован путь!..

Ты написал мне в последнем письме, что взялся за реферат по Гоголю, перечитал гору книг и никак не можешь разобраться в этой неординарной, мятушейся личности, и просишь от меня помощи.

Мальчик мой! Я не филолог, не книжный жук профессорского звания, и если ты повторишь мой опыт постижения Гоголя, то вряд ли твой реферат получит положительную оценку. Судя по всему, в стенах и твоей бursы ничего не изменилось со времён Паисия Величковского, который горестно утверждал, что в духовных академиях преподаётся всё, кроме Православия. А от многих знаний многия печали!

Крестник мой дорогой! За свою жизнь я пережила сложную гамму чувств по отношению к классику Николаю Васильевичу Гоголю: от почти аксаковско-го восторженного поклонения его творчеству до полного отрицания гоголевских творений как чего-то правдивого и нужного для Отечества. И сейчас, на склоне лет понимаю, сколь трагичны и неоднозначны и жизнь, и судьба, и творчество нашего соотечественника, столь недолго ходившего по Земле, особенно по русской!..

О Гоголе написаны библиотеки! И если всё его творчество едва заполнит обширную полку, то литература о нём не вместится в библиотечные залы. Ты не сиди в этих залах. Ничего нового из этих библиотек ты не вынесешь и Гоголя не поймёшь. Биография его в советский период усердно переписывалась друг у друга всевозможными докторами и доцентами, которые налегали на бесовщину классика и на хлестаковщину как на уродливое проявление царского режима. Очень уж тогда любили эти родимые пятна капитализма, которые, кстати, в полной мере только сейчас и проявились!

Собирай портрет Гоголя сам, по круплицам. И всё одно это будет мозаика, что-то иконописанное, а не живой образ... Потому что все, кого посылает Господь для вразумления либо попускает, испытывая нас, для обольщения, — они останутся тайною во все времена.

Кстати, о времени и временах. Мать Магдалина, монахиня, насельница Знаменского монастыря, часто говаривала мне, что Господь всякую душу будет судить во времени, в котором она грешила.

Давай и мы с тобой, подпоясавшись, ступим вослед мудрым и начнём со времени, в котором пребывала душа человека, которого до сих пор называют гением из гениев. Я попытаюсь разобраться с тобою в трагедии этой безусловно высокой личности ещё и потому, что её путь очень характерен в духовной жизни не только России, но и человека вообще как духовной Божественной ипостаси.

Это путь творческой души в соблазнах и оболыщениях своего времени и попытка возвращения блудного сына к своему Творцу.

Итак, Малороссия. Начало XIX века. Уже ушёл в предание “бунташный” семнадцатый со спесивыми притязаниями ляхов, ядовитой казуистикой жидов, размашистой удалью казацкой сечи. Ты помнишь, что всё это разрешилось спасительной волей Богдана Хмельницкого и присоединением Малороссии к России. Но гроза, разразившаяся над Русью в бунташном веке, имела более тяжкие последствия, чем набеги монголо-татар на русские земли.

Прежде всего, они коснулись Православия. После грозы участие иноземцев в русской жизни становится подавляющим. Мгновенно начинается Вавилонское пленение Русской Церкви. Западничество, высокогородная шляхта (всё, что по сию пору зовётся на Украине “западэнцы”) более всего воплотились во вредоносной личности Петра Могилы. Вспомни, мы когда-то с тобой говорили о нём. Властный, деятельный архимандрит, сын молдавского господаря, потом киевский митрополит, воспитанный в классическом западно-польском духе, он не был пастырем. Он был чужеземным завоевателем. Он “преобразовал” русскую Церковь, насадив в киевской столице иезуитские школы, латино-польские коллегии. Опираясь на латино-униатские партии, он упорно склонял православных под хищную длань “просвещённого” Рима. Засилие латыни стало обыкновением в великорусской церковной жизни. Всё опальное объявлялось народным невежеством и суеверием. Народ сопротивлялся. “От неучёных попов и казаков велие было негодование: на што латинское и польское училища заводите, чего дотуду не было, и спасались...” Иной раз и побивали незваных учителей, но всё же просвещённые западэнцы вышли из споров победителями. Пётр Могила, Мелетий Смотрицкий, Исаия Копинский пошагово подготовили почву в XVII веке для отступления из неповрежденного Православия в унию.

Не зевай, мой друг, на моих кратких экскурсах в историю. Духовная жизнь, как река, течёт строго в русле событий. И одно событие предопределяет следующее. В жизни также одна жизнь рождает другую, так и тянется по земле ветвь рода. Либо она усыхает от грехов и предательств. И в народной сути и существовании народа ничего не бывает случайного. Судьба – Суд Божий. Либо награда Его, либо расплата. Пётр Могила и его сподвижники были самыми решительными и явными западниками. Их реформы, особенно в духовном образовании, жесточайшим образом повлияли на чёткие тогда критерии Православия. Не будь Могилы в Киеве, не разгулялся бы Феофан Прокопович в русской столице. Всё вместе и подготовило почву для “Богословия на сваях” (по Георгию Флоровскому) и масонства в России.

Ты должен знать и помнить, мой мальчик, из тех несложных уроков, что мы с тобою осваивали, как происходила подмена корневых святынь Православия. Хотя бы потому, что наши мутные времена очень схожи с теми, о которых мы беседуем. В одном из документов розенкрейцеров 2 степени сказано, что “каждый брат... имеет свободу соглашаться на те мнения, кои могут наиболее руководствовать его ко спасению... нет различия между иудеями, греками, обрезанными и необрезанными, свободным и рабом, ибо Христос во всём”. Летоисчисление от Рождества Христова считалось в масонском братстве простонародной эрой. “Главное, – говорили они, – чтобы Христос был в сердце”. То есть Церковь с её тайнами, многочасовыми службами, покаянием и причастием как бы лишняя. Их постулаты о всеобщей церкви, церкви внутренней, простонародной (чуть позже Православие бытовало у “просвещённого” дворянства как религия подлого сословия – их дворни и крестьян) – всё это влияло на незрелые умы гораздо разрушительнее, чем набеги и сечи. В сём ядовитом тумане необратимо гибла сама суть животворящей веры. Святоотеческие предания отменяются как невежественные вместе с именами святых, которые бесцеремонно заменяются Цицероном, Плутархом, Эпикуром, Эпиктетом, Зеноном, апостолами “естественной религии”, с её неестественными педерастическими шалостями и нечистоплотными каверзами. Грех, искупление подменяются моралью, главными “светильниками” которой являются Сократ да Руссо – образцы человеческой добродетели, и, разумеется, Вольтер – ненавистник Церкви.

Начиная с середины XVIII века масонское движение охватывает почти весь культурный слой Петербурга, Москвы и губернских городов. И удивляться сему не приходится. Вряд ли Россия смогла бы выйти неповрежденной из той пучины предательства и презрения, в которую вверх её Пётр. Принадлежность к той или иной нации и степень родства сказывается, прежде всего, в языке. Какова же была степень предательства собственного народа, когда правящий

класс отказался от своего корневого языка, могучего дара своих предков, и заговорил на языке другого народа. . .

В масонстве своя метафизика, своя догматика, свои цели и свои творцы. И как их ни прикрывай мистическим туманом и клятвенными тайнами, они вполне исповедимы. Да и цели их вполне земные. . . Платонизм, гностицизм, натурфилософия, припудренная сентиментализмом. . . Медленный, неуклонный отход от Бога, искажение стройного Православного мировоззрения. . . Неосознанное потворство изначально, затем сознательная служба врагам Отечества и Христа. . .

Не пеняй на мои отступления от темы. Дело в тех уроках, которые преподаёт нам Господь, раскрывая суть трагедии этого удивительного писателя, в тех раздумиях, какие вызывает его судьба в его времени. Главное — что мы выносим из того явления Божьего духа и человеческой души, с которыми мы сталкиваемся в любом времени. . .

Я иногда задумываюсь о такой, по сути, неизлечимой болезни, как рак, тяжело и повсеместно поразившей человечество в XX–XXI веках. . . Что это за болезнь?! Только ли экология виновата в ней? Она поражает организм, когда клетка принимает внутрь себя чужую инородную клетку-паразита, и чужестранка, бурно паразитируя в итоге на родных клетках организма, убивая их, в итоге мучительно уничтожает всё тело человека. . . Не кажется ли тебе, что рак очень близок к духовным нестроениям последних веков России? Ведь здоровая клетка приняла чужеродную скиталицу. Она забыла о своём призвании и долге перед собственным организмом и, обольстившись, не призвала защитные его силы. Как символично, что именно эта болезнь, я назвала бы её болезнью Иуды, поражает все жизненные сферы земли. Конечно, враг не оставялял наше Отечество в покое ни на одно десятилетие. И ветреная Франция, водрузившая как знамя своей цивилизации над городской ратушей зловещую фигуру Бафомета, и мать всех ересей, сект и революций, чопорная Англия, с её Библейскими обществами, и Азиатское подбрюшье России — все тянули к России свои корыстные длани. . . И масонство, и ереси, и нашествия, и моры. . . Дело не в них. . . Дело в степени сопротивления и решимости противостоять злу самой России. Во имя Бога и заповеданного им Православия для русского народа. . . Ну, да для этого письма довольно слов!

Скоро день твоего Ангела, Серёжа. Помню, в этот день твоего крещения пал ранний и первый снег. Он лежал до полдня, и когда я вынесла тебя из Церкви, изумление озарило твоё славянское личико. То ли оттого, что ты впервые осознал снег, то ли от того священнодействия, свершившегося над тобою. . .

Что касается писем К. Леонтьева, о коих ты пишешь. . . Что ж, читай, коли читается. Знание не грешно, но не восхищайся так сильно. Константин Леонтьев много напутал как жизнью своей, так и философией. Но ошибался он искренно. . . Искал свой путь в полутьме, пока Господь не подвёл его буквально за руки к старцу Амвросию! За искренность и послушание Оптинскому старцу Леонтьев и удостоился возлечь у ног его. . . Читай, но помни, что полнота истины всё же у старца Амвросия. А вся философия зачастую — работа над ошибками. Недаром Павел Флоренский назвал философию блудной дочерью религии.

Всё, мой друг! Да сподобит тебя Господь Святому Причастию в день твоего Ангела, дабы ты провёл этот день в чистой и несуетливой радости.

*Твоя любящая крёстная мать
(или Кока, как звал ты меня в детстве)
н. раба Божия Валентина*

Письмо второе

Здравствуй, Серёжа! Сергей Васильевич, чадо моё!

Рада читать твои драгоценные строчки. Спасибо, что потрудились ответить своим почерком, а не печатал письмо компьютером (какое ужасное слово — глухое, тёмное, как болотная топь). Спасибо за образок святого Серафима Дивеевского, светильника России!

Сергей, ты нетерпеливо укоряешь меня в том, что мы не подошли в предыдущем письме к разбору личности Гоголя.

Николай Васильевич Гоголь родился в начале XIX века, в 1809 году, в местечке Большие Сорочинцы Миргородского уезда Полтавской губернии, в доме надворного советника Трохимовского. (Трохимовский служил в уезде зем-

ским врачом. Родился мальчик в марте дня 20-го, месяце, о котором святой Стефан Пермский сказал: "...март месяц — начало всем месяцам, иже первым наречется в месяцах, ему свидетельствует Моисей-законодавец, глаголя: месяц же вам первый в месяцах да будет март... Марта бо месяцы начало бытна — вся тварь Богом сотворена бысть от небытия в бытье".

Не верь астрологам — врут всё мошенники! Потому вокруг них и крутится столько прохвостов. Но всё-таки что-то отражается в самом характере человека, если не в судьбе его (судьба человека всё же определяется его собственным выбором перед волей Божией и земными искушениями). Сам он до слёз любил весну, начало всякого возрождения в природе. Стало быть, его преследовала жажда жизни и упоение ею... Это упоение особенно выразительно в его раннем творчестве. Цветущая жизнь Ганночек и Панночек, кузнецов и дьячков, с грозными раскатами Запорожской сечи, шинкарок и чертей, окрашенная панёвами и черевичками, яичницей с салом, мёдом и ясным месяцем над Днепром, гопцующими дивками и гуляющими парубками, чумаками с солью и рыбою... Горшки, закутанные в сено (какая выразительная деталь!) — все эти хуторяне и сельщина солнечно-бьющими ключами вскипела перед душевным взором читателя, запечатлевшись в памяти его рода до окончания веков...

Я иногда думаю, Серёжа, как опасно для души иметь такой громадный и рано проявившийся дар, как у Н. Гоголя. Когда ещё не выстоялась, не созрела душа, не очистилось мировоззрение, не проступили в сознании чёткий путь народа и определённый для служения ему Господом собственный путь. Вот эту раннюю активность его таланта при незрелой ещё душе, словно зерно, упавшее в тернистую чащу и давшее нездоровые всходы, я считаю основной внутренней трагедией Гоголя как личности, так и писателя.

Ну, да вернёмся к истокам этого удивительного поэта, с такой гениальностью на века запечатлевшего сочное бытие остатков древней Руси, там, в солнечной окраине России.

Земля, на которой родился Н. Гоголь, переходила из рук в руки бессчётно. Русский царь вёл, её ради, переговоры с крымским ханом, запорожец рубился с турчанином. Мешалась речь, вера и верования. Предки Гоголя то переходили на сторону ляхов, то кланялись москалям.

Дед Гоголя, Афанасий Демьянович Гоголь-Яновский, любил панство и налегал на наличие польской крови в своём роду. Старое шляхетство Украины с его высокородной спесью смели порядки Богдана Хмельницкого, но отголоски шляхты всё ещё слышались на пограничье Руси. Как ни крути, а предки Гоголя получали за боевые заслуги в походах на Русь поместья от польских королей. Так был заслужен Ольховец у короля Яна Казимира. В сём поместье и зачинается род Гоголей-Яновских.

В середине XVIII века эта родовитая ветвь скрещивается с родом знатных Лизогубов-Танских, перешедших на русскую службу. В этом роду выделяется Василий Танский, волох по происхождению, гребущий от гетмана Скоропадского земли и чины. Предки этой линии знавали и взлёты, и падения, и награждались, и сылались в Сибирь, воевали с Мазепой и голодали в Петропавловской крепости. Именно из живых преданий этого рода и возник могучий Тарас Бульба. Лизогубы же были нежны, романтичны и влюбчивы. Тяготели к домашнему очагу, семейному теплу и уюту. Один из их потомков, Павел Полуботок, растил любимую дочь Татьяну и нанял ей хорошего учителя для образования. Учитель был небогат, но джже просвещён, говорил на пяти языках, знал поэзию и музыку. Ученица влюбилась в него без памяти. Любимая дочь собрала фамильные драгоценности и сбежала однажды ночью. Как и полагается в полнокровной драме, в лесу на них напали разбойники, ограбили, и разом обнищавшие влюблённые вернулись с повинной в родовое гнездо... Впоследствии романтичные влюблённые и послужили прообразами "Старосветских помещиков".

Не менее интересна история родителей будущего писателя. Василий, домашнему Васюта, послушный и незлобивый подросток, однажды заявил, что видел во сне Божью Матерь, которая указала ему на младенца-девочку, сказав, что это его суженая. Сон приснился ему по дороге на богомолье, на постоялом дворе. На обратном пути семья заехала к соседям Косяровским, и соседям вынесли младшую дочь хозяев, годовалую Машеньку. Взглянув на неё, Васюта воскликнул: "Это она!" Соседи посмеялись над причудой тихони и забыли о ней.

Но взрослеющий парубок и слышать ничего не хотел о невестах. Маша росла у него на глазах в соседской усадьбе, куда он ездил почти ежедневно,

проводя с нею всё своё время. Едва девочке минуло 13 лет, он заговорил о женитьбе. Ему отказали по малолетству невесты, и он едва не наложил на себя руки. Его привязанность к девочке очень сильно напоминает одержимость? Наверное, но таковы века до цивилизации, которая сильно обеднила человеческую душу, умертвив в ней самые чёткие её истоки...

Николенька унаследовал пылкость отца и ветреную мечтательность матери... Он был третьим ребёнком в семье. До него дети умирали сразу после рождения. Увы, такова участь большинства младенцев, выношенных физически незрелыми матерями.

(Наша Государственная, впрочем, её в народе называют антигосударственной, Дума, сократив детский возраст до принятия паспорта, подорвала ещё и генетическое здоровье народа.)

До девяти лет обожаемое чадушко росло в малороссийской глубинке на хуторе Купчинский, куда перевезли его сразу после рождения в имение отца. Детство Николеньки было золотым, утопало в живой, несказанной речи бабушек и нянюшек, крепких, быстроногих крестьянок, среди их младенчески-нежных песен, пьянящего аромата цветущих садов, соловьёв и воловьих зыков, а главное, неповреждённых преданий старины, которыми дышал сам быт и разговорная речь глубинной Хохландии... Здесь, в низкой глиняной хате и глубоком летнике-погребке, посреди горшков и кувшинов с солёными грибами, наливками, мочёными яблоками и толстыми шматками сала, посреди всей этой вкуснотени, которую так любила уплетать, почти на глазах у хозяев, ленивая и прожорливая дворня, любознательный панёнок и наслушался нескончаемых историй о славных походах запорожцев, о чертях и оборотнях, русалках и ведьмах, о полётах на метле и проделках чернооких молодцов с хлопцами, о развешиваемых гробах и страстной запретной любви...

Всё впитывал в себя, как губка, внимательный и памятный паныч. Вскоре пригодилась ему каждая деталь неповторимой хохлацкой жизни.

Родители Гоголя были мелкими помещиками, имели около 200 душ крепостных крестьян, которые и кормились на тысяче десятинах земли. Так что мальчик был любим, ухожен и ни в чём не нуждался. В доме Гоголей бывало много гостей, наезжали и литераторы. Отец Гоголя, Василий Афанасьевич, сам был интересным рассказчиком, сочинял стихи и комедии, приправляя их врождённым комизмом. Зачастую он придумывал сам и ставил забавные сценки в домашних спектаклях знаменитого и очень богатого соседа Трощинского, от которого зависело материально всё семейство Гоголей. Родственником по материнской линии являлся дому В. В. Капнист, к нему иногда заезжал Г. Р. Державин, который дружил с Капнистом в молодости. Оба уже престарелых поэта очень повлияли на развитие маленького Никоши, склоняя его душу к пути литературы. К тому способствовал и домашний быт Гоголей, их тяга к светскому просвещению, поэзии и музыке, но более всего эту тягу к литературе усилило и стало первой школой маленького Никоши соседство Гоголей с богатым и знатным помещиком Трощинским.

О, это была знаковая фигура того времени! Я хочу, Серёжа, чтобы ты хотя бы вкратце, на один коготок погрузился в ту среду, в которой и возрос этот высокий и, вне сомнения, Божий Дар.

Трощинский Димитрий Прокопьевич, богатый вельможа, имел абсолютное влияние на семейство Гоголей. Сам он происходил из среднякового малороссийского казачества, природным гением дослужился до степени министра юстиции, был почитаем царями и гетманами, приобрёл громадные угодья, тысячи крепостных, царствовал на окраине России припеваючи и в своё милостивое удовольствие. Жил старик Трощинский, согласно заведённому обычаю того времени для богатых и знатных людей, широко, открыто. Вся губерния съезжалась к нему на поклоны. Балы и обеды давались почти ежедневно. Заезжие иной раз годами пользовались гостеприимством хозяина. Помещик держал свои оркестры и домашние театры. Ставились всё больше комедии, которые разыгрывали и благородные господа, а не только крепостные актёры. За обеденным столом загадывали шарады, а после обеда их разыгрывали. Трощинский держал при себе множество шутов. Чем тупей и безобразнее был шут, тем чаще он появлялся перед публикой. Особенно часто любило развесёлое дворянство потешаться над заштатным священником отцом Варфоломеем. Он становился главной мишенью просвещённой публики для насмешек и издевательства. Бывали и побои со стороны угодливой толпы. Духовенство тех времён находилось в полной зависимости от помещиков. Играли с попом, как с кошкой, привязав денежную ассигнацию, дразнили его, несчастного. Поп был стар, жалования не имел. Вот и попал в жалкое

положение. Чтобы угодить барству, юродствовал, что принималось за умопомешательство.

Поглумившись вволю над безумным (что само по себе является большим грехом), разыгрывали из Бетховена и Моцарта, и прочих западных музыкантов. На издёвки смешливый вельможа был неистощим и держал потому подле себя Василия Афанасьевича Гоголя, отца писателя, почти безвыездно. Ведь тот тоже был большим шутником, пописывал стихи и пьески шутейные. Отсюда и страсть Гоголя к уродливым сторонам жизни, воплотившаяся позднее в его творчестве с удесятёрённую силою...

Прости за отступление, Серёжа, я часто слышу из твоих уст хлёткие семинаристские анекдоты, желание больше посмеяться, чем поплакать. Я наблюдала, как ты выбираешь в магазине больше диски комедий и откладываешь в сторону трагедии, Пушкина, Распутина, Белова...

Понимаю, ты уже не подросток и пережил фильмы о войне и книги, которые мы с тобой читали когда-то вслух. Знаю, что в зрелости ты вернёшься к ним и восхитишься заново, но прошу тебя, прочитай повнимательнее сие отступление.

Вспомни, Серёжа, хоть одно место из Священного Писания, или Евангелия, или святоотеческого предания, где бы святость унижала, глумясь! Найди там хоть тень издёвки или смеха, даже безобидной шутки. Всё строго, стройно, серьёзно. Жизнь человеческая – бесценный Дар Божий, можно ли его исказить цинизмом? А любая насмешка есть надругательство, и пресловутое чувство юмора – не что иное, как тонкий яд цинизма, холодная омерзительность души.

Да и в народе нашем, как и в Писании, разве поощрялось пустобайство? Если старцы говорили: “Не смейся до обнажения зубов”, – то в народе: “Чего зубы скалишь?” Старцы вещали, что демон за левым плечом гогочет, а Ангел за правым плачет, а народ откликнулся: “Делу время – потехе час” или “Смех без причины – признак дурачины!”

Никогда не понимала времяпрепровождения в полных залах собирающихся посмеяться, открывать в гоготе здоровые, сытые глотки над теми явлениями жизни, над которыми впору заплакать. В народе этих “шутников” кликали пустобрёхами и никогда не поддавались их умелому и холодному расчёту, которым они управляют целыми залами.

Увы, маленький Никоша вкусил шутовства с младенчества. Он вырос в библиотеке Трошинского, на западной “благородной” музыке, впитывая в себя вместе с простонародной речью своих крепостных, вместе с естественным для юности озорством и гульбою тонкий яд издёвки и развивая наследную склонность запечатлять уродство...

Всё на сегодня, дорогой мой крестник. У нас совсем зима, снег сугробами... Скоро Рождественский пост. Помогите, Господи, провести его с благоговейною пользой духовной и телесной.

Возьмите в библиотеке раннюю прозу Гоголя. Какая роскошь языка и, неповреждённая ещё любовь к своему народу!

*Твоя любящая крёстная
н/д р. Б. Валентина*

Письмо третье

Благослови тебя Господь, мой мальчик!

Рада, что ты в добром здравии, твою молитвенную заботу духовную ощущаю, стоя на молитве. Дай Бог тебе как можно долее сохранить эту Божию ясность души, чтобы не заволокла её земная суета и ядовитые пары лукавого лжемудрствования не отравили истоки твоей души.

Ты пишешь, что с упоением читал всю ночь “Вечера на хуторе близ Диканьки” и “Сорочинскую ярмарку”, и “Миргород”... Завидую тебе. Твоему открытию и чувству восторга, сопровождающему сие открытие. Русская литература, когда она питается ключами народной культуры, становится, по определению Томаса Манна, святой литературой.

Ты пишешь, Серёжа, что мы с тобой остановились на пороге юности Гоголя, в том сложном периоде человеческой жизни, когда детство закончилось и зримо переходит в отрочество. Нет, мой отрочатко! Детство человека заканчивается гораздо раньше. У Гоголя оно закончилось ещё до исповедальных лет, когда однажды ночью, оставшись один в доме, среди нестерпимой тишины, в полутьме он услышал мяуканье кошки. Всю свою жизнь вспоминал он,

как она шла к нему, потягиваясь, видимо, поласкаться, и как он, напугавшись её, схватил бедное животное, понёс его сквозь парк, преодолевая природный страх темноты, и утопил в пруду. Топил долго, сознательно отгоняя палкой от берега. Что сопутствовало этому поступку? Первое чувство одержимости, когда впервые в незрелую душу входит уже зрелый демон (он ведь совершил убийство!). Рассказы дворовых и бабушек об оборотнях, нечистой силе и прочих ужасах, которые так жадно любят слушать дети, или покойный родственник, честолюбец, волох взыграл в генах?!

Во всяком случае, мальчик не вышел из комнаты, не приласкал животное, не выбросил его через окно в парк. Ему не понравилась кошка, он напугался и убил. Он выпал навечно из райского состояния, из безгреховности Авеля в демонизм Каина. Он проявил силу и власть, утвердил свой страх убийством.

Прости меня, мой мальчик, напоминание о нашей с тобой лягушке, как ты рыдал у меня в коленях, рассказывая, как убил её, отрывая поочерёдно лапки, а потом голову! И когда я повела тебя к первой исповеди, я попросила тебя исповедать этот грех! После исповеди ты целый день спал, чего не случилось с тобой после греха даже ночью...

Гоголя не исповедали, но отец выпорол мальчика, после чего, по его же признанию, ему стало намного легче.

К вопросу о нашей ювенальной юстиции, запрещающей телесные наказания, которые в России практиковались от начала веков во всех слоях населения, включая аристократию и царские семьи. Конечно же, законы этой юстиции чрезвычайно губительно влияют и на неокрепшую душу, укореняя в ней чувство безнаказанности и вседозволенности. И, как следствие, подталкивая её к ещё более тяжким преступлениям. Я уже не говорю о народе, который претерпит многие муки, выращивая такое нервное слабовольно-самолюбивое поколение, не способное ни продолжить тернистого пути нации, ни защитить Отечество.

Злосчастная кошка преследовала Гоголя всю жизнь. Он писал о ней в письмах, исповедовал свою неосознанную ещё жестокость друзьям, и в творчестве его там, где пропадает кошка, там начинаются несчастья и вымирание...

Но всё же, крестник мой, я иногда думаю, как опасен человек для окружающей его среды. Какие мы цари? Мы палачи природы! Подумай, какой ад мы устроили на земле и животному миру, особенно той его части, которая доверчиво поддаётся приручению человеком...

И всё же ты прав: Гоголь подросток по закону естества. Отпрыску пора было давать образование, чтобы не оставить его без будущего. В гимназию высших наук князя Безбородко Николаша был привезён родными. Как сообщает свидетель появления будущего писателя в гимназии, он был не только закутан в различные шубы, свитки и одеяла, но просто-напросто закупорен в тряпки. После долгого разворачивания товарищи увидели, наконец, крайне тщедушного, очень некрасивого, красного от золотухи мальчика, из ушей которого каплями вытекала неприятная жидкость. Вид у него был самый болезненный. По результатам приёмных экзаменов он был причислен к середнячкам. Он воспитывался в гимназии по ходатайству Трощинского и его иждивением.

Давай ещё раз вспомним, в какое время вступал на своё поприще золотушный, замученный родительской заботой девятилетний мальчик, тот, о котором в делах Полтавского училища замечено, что он туп, слаб, в поведении скромнен.

Ты много пишешь мне, Серёжа, о просвещении того времени, спасительной миссии для России Новиковского кружка... Я ничуть не удивляюсь этому.

Со времён Петра до Гоголя и после Гоголя, весь XIX век, и XX, и, наконец, XXI интеллигентщина, по словам В. Розанова, всё снимает русский сапог, меняя его на европейскую туфлю. "Русские, — писал он, — имеют свойство отдаваться беззаветно чужим влияниям. Именно как невеста и жена — мужу".

Ты сейчас, Серёжа, находишься именно в таком возрасте влияний и упоения жизнью, "открытиями", "озарениями", в бессонные ночи отдавая душу то русским мыслителям — Новикову, Чаадаеву, Герцену, — то Боклю, Спенсеру, перелопатил и "Заратустру", и прочее, и спрашиваешь меня, так ли плох сей просветительский луч, вонзившийся в "немытую" Россию?

Повторим же пройденное, мальчик мой!

Прежде всего, о немытости России, сказанное с иудовым злорадством отщепенца и приписанное Лермонтову. Россия времён просветителей (твое Отечество, между прочим) — уже громадная страна, освоенная земля, одухо-

творённая таким могучим языком, которые может иметь только великий народ. На чём зиждились его незыблемые устои, и так ли он был ниц и бессмыслен?!

Имея великую созидательную миссию освоения планеты (ни больше, ни меньше), приходя на неосвоенные земли, он прежде других забот ставил храм и благословлялся на дальнейшие труды. День православного на русской земле начинался с молитвы, чтения Псалтыря, ставшего на языке твоих предков бессмертным, Часослова и Четьи-Минеи на каждый день. Уже было создано слово митрополита Иллариона, повести “О купце, купившем мёртвое тело у жидовина и ставшего царём”, “О горе-злосчастии”, “О Савве Грудцыне”, “О Ульяне Осоргиной”... Их только в сборнике “Литература Древней Руси”, вышедшем под редакцией Д. С. Лихачёва, отобрано несколько десятков. А сколько ещё осталось в залежах древних хранилищ! Сколько уничтожено немцами времён Ломоносова и “учёными” последних призывов с большевистскими воззрениями и фамилиями! А сколько таких повестей жило в самом народе, озвучивалось каликами переходными, песельницами вроде Северной Махони!.. Несчётно, неисчислимо!..

Северная звезда, “неграмотная” Махонюшка, Марья Дмитриевна Кривополенова, певшая царю Николаю II, знала наизусть более трёх тысяч песен!

А житийный свод Димитрия Ростовского, собранный в XVIII веке! А “Просветитель” Иосифа Волоцкого, написанный по следам борьбы с ересью живодствующих, а мощная ветвь старообрядчества, сохранившая в здоровых своих глубинах высочайшую культуру исконного русского быта и сокровенный код нашего народа!

Не верь завистникам, Серёжа, русские никогда не были тёмным народом, даже неграмотными не были. И когда крестоносцы, пытавшиеся завоевать русский Север, расписывались по неграмотности латинским крестом, русские князья знали языки, наизусть читали псалмы, распевали песнопения литургий... Русский костюм – образец высочайшей глубинной культуры, впитавший в себя и символику узорочья, прочность вековую, и пластику тканей, красоту в сочетании с практичностью, яркость в сочетании с целомудрием...

Позже Россия завоевала Сибирские и Астраханские Царства, укротила Польшу и Ливонию, освоила Арктику, и Беломорье содеяла русским. Мы к XVII веку освоили металл, выплавляли серебро и золото, построили города, и везде, где звучала русская речь, вослед ей гудели колокола монастырей и церквей, выплавленные русскими мастерами. Наши пашни имели метровые гумусы, а житницы наполнились отборным зерном, живущим по три и более веков...

Чем можно было просветить такой народ?! Давай посмотрим, Серёжа, какая литература хлынула из недр масонских лож в нашу “дремучую темноту”.

В 1807 году основалось Вольное Общество любителей наук, словесности и художеств. В том же году была восстановлена Российская Академия, рассадник волнкости и презрения к подлому своему народу и низкому его званию. Покровительство оказывалось литературе, особенно переводной и заграничной...

Что же тогда почитывало просвещённое общество, нашедшее приличие во французском языке? Масона Лебедева, Адама Смита (перевод Политковского). Были изданы книги: “Завещание” аббата Жана Мелье, любимца Вольтера, предавшего свою веру; “Кодекс природы, или Истинный дух законов” Морелли; Стюарта Беккария, конечно же Монтескьё. Ну, и Кант, “Метафизика нравов”.

Далеко не полный список этих трудов, хлынувших через масонские ложи для просвещения твоего Отечества. Конечно же, Серёжа, чужую культуру тоже надо знать, чтобы помнить, с кем имеешь дело, и дружить с народами. Всё верно! Только вот все эти Сатиры и Вакхи, Фебы и шаловливые мальчики с феями, венценосные Аполлоны и распутные Зевсы очень умело и тонко вводились в сознание юношества, ненавязчиво вытесняя из него образ Христа, приучая его к демонологии не так, как учит русская народная мифология, чётко разделяя крестную и некрестную силу как добро и зло. Ум читателя изощряется метафизически, теряет простоту и ясность. Понятие греха и неотвратимость наказания заменяется морализаторством Руссо, доходя, наконец, до “Раздавить гадину!” Вольтера.

Ты пишешь, Серёжа, что большинство тогдашних лож представляли собой клубы по интересам, где встречались с нужными людьми, пили-ели, завязывали связи и прочее, не занимаясь политикой. Да, были и таковые. И мистическая мечтательность Жуковского, неопределённая туманность Дельвига,

наслаждение и упоённость жизнью Ф. Глинки, байронизм Пушкина, либеральный романтизм Языкова – какое всё это отношение имело к чёрным заговорам России?!

Да и Раевский, и Муравьёвы, и Бестужев, и Рылеев, Пестель, Басаргин, Якушкин, Кюхельбекер и Одоевский, Трубецкой, и несть им числа – все они были масонами низких степеней. Можно сказать, профанами невинной деятельности. Писали стихи и музыку, рисовали. Пили, ели, веселились и по секретной указке высших лож пошли против законов своей религии и Отечества. Клялись свергнуть Престол, вплоть до физического уничтожения всей царской династии, и безоговорочно вышли 25 декабря 1825 года на Сенатскую площадь. Все они до единого стали проводниками философии Запада, который к XVIII веку давно отпал от Бога и при всём своём рутинёрстве тогда уже обнаружил свой истинный хищный, волчий оскал...

Сейчас он смердит, отравляя своими ядовитыми продуктами полного разложения всю планету и подвергая её опасности очередного уничтожения. Чего стоят одни только законы западных “ведущих” стран, которые они всерьёз пока обсуждают, о возможности полового контакта с детьми доречевого возраста! В одной из газет несчастная мать назвала их зверьми... Нет, они далеко не звери. В зверье самый сильный инстинкт – продолжения рода. Они содомиты и сатанисты.

Вижу, как ты с ироничной улыбкой (очень уж ты полюбил в последнее время эту пакостную в общем-то улыбочку, посмотрелся Задорнова!), отложив письмо, изрёк: “А Гоголь тут при чём?!”

Увы, при всём! Об этом мало или почти ничего не написано в той библиотеке о Гоголе. Но Нежинская гимназия высших наук, куда привезли тщедушного мальчика Никошу Яновского (Гоголя), попечения ради его богатого родственника Трощинского, являлась как бы малой воронкой для поглощения подростковых душ. Директор гимназии Шапалинский являлся и организатором “просвещенного братства” в своём заведении. В масонскую ложу гимназии входили почти все её учителя-учредители: Шапалинский, Зингер, Орлай, Белорусов. Подрастающий Гоголь находился в самом тесном общении со своими наставниками... Что впоследствии в полной мере отразилось в его творчестве, особо пропитанном позднее романтическим мистицизмом.

Именно поэтому на уроках Закона Божия гимназисты играли в “бабу”, обменивались ножичками, громко смеялись и совершенно не слушали провинциального попика в обветшалой ряске. Первый урок пренебрежения к духовенству Гоголь получил в доме Трощинского, став вольным свидетелем глумления над нищим, опустившимся попом. Идеи гуманизма и прогресса тут манили пегушиные головы тогдашних лицеистов. В таком состоянии был сотворён его первый литературный опыт – поэма в стихах “Ганц Кюхельгартен”.

“Почему поэма посвящена Германии?” – спросишь ты. Потому что Германия – родина романтизма. Потому что после войны с Францией Россия глянула на истинные лики “мусье”. Увидела конюшни, которые устроили кумиры света в русских храмах. Тогда россияне поохладели к франкам.

На сегодня всё о Гоголе!

У нас гудит Масленица. От блинов трещат пупы. Мы с твоей мамой ходили в храм, и я в очередной раз увидела её испуганное в молитве о тебе, кроткое лицо, и в очередной раз явственно ощутила, как материнская молитва хранит тебя везде и всегда. Не ленись писать матери. Никоша Гоголь много писал своей “дражайшей маменьке”, искренно поверяя ей многие сердечные тайны.

Скоро Великий Пост. Да благословит тебя Господь, Серёжа, крестник мой.

*Любящая тебя “Кока”,
н. р. Б. Валентина*

Письмо четвёртое

С постом и молитвою тебя, дорогой мой крестник! Как быстро начала работать почта, и ты ответил мне сразу по получении моего письма! Сегодня последний день канона Андрея Критского. Отошли в вечность, из вечности изыдя, великие его глаголы. Ты чувствуешь, как поднялась душа твоя! Да, тихая радость Великого Поста несказанна, как никакое другое время года.

Гоголь не любил Поста. “Пришёл Пост, – пишет он в письме своему приятелю по гимназии Г. И. Высоцкому, – а с ним убийственная тоска...”

Он любил театр, смех, сатиру. Он любил подмечать недостатки, уродства жизни. Пьески, музыка (западная), шарады, живые картинки развлекали его. Инспектор Белорусов поставил в обязанность каждый раз играть, прежде всего, французскую или немецкую пьесы. Играли “Эдипа в Афинах”, “Базили соч. Флориана”. Из русских “Недоросль” и “Маслена” Фон-Визина. Разыгрывались увертюры Моцарта, Вебера. Сами писали музыку...

Не узнаёшь ли, мой друг, и своё лицейское образование! Всё повторяется один в один. Может, подобное образование и подтолкнуло тебя к сочинительству. По праву крёстной матери я хочу предостеречь тебя от двух ранних поступков: необдуманного принятия монашеского сана и упоения литературным трудом. И не потому, что эти пути плохи. А потому, что слишком много соблазнов и бесов сопровождают душу, ступившую на эти пути... Особенно литературного... Если монашеский путь при всех его испытаниях предполагает постоянную близость Церкви, молитву братскую о душе, примеры и Писания, которые могут поправить любой искус и заблуждение, то путь литературы – путь одиночки! Вспомни Лермонтова: “Выхожу один я на дорогу...”. Конечно же, шедевр! И предчувствие судьбы. Но ведь им же написан и “Демон”... Перечитай авторскую “Исповедь” Гоголя. Вне сомнения, когда он писал её в назидание литературным потомкам, он слышал голоса Воли Божией и судьбы... Но исполнена ли была Воля Божия в его творениях?! Божия ли Воля дышит в издёвке “Мёртвых душ”, “Портрете”, “Носе”, “Шинели”?

Каждое слово, которое ложится на чистую бумагу, расширяет душу писателя, но всегда ли в неё входят Божии Глаголы?! Чаше вражие! Зло выразительно и заманчиво! Тут как у Гиппократы: “Не навреди!” И если врач может, ошибившись, отнять здоровье пациента, одно тело, на короткий период человеческой жизни, то слово писателя ложится на века, и бывает, что отнимает духовное здоровье нации. Гнойный “серебряный” век – тому печальный образец. Мы с тобой обсуждали сию тему по прочтении книги Ст. Куняева о поэзии этого времени.

Твоя крёстная, Серёжа, не очень жалует дворянскую литературу. Только избранно, выборочно. Потому что эта литература не связана с глубинной сутью своего народа. Дьявольская произошла казуистика с нашим духовным и историческим путём. Дворянство – ветвь, отделившаяся от крестьянства. Именно крестьянской закваской, его верой, устоями и навыками к труду многие их предки получили за заслуги перед Отечеством дворянские титулы. Но как быстро они забыли о своём народе, на шее у которого они кормились припеваючи потом целые веки... Они разом, получив титулы, застеснялись его речи, костюма и имени, назвав религию его религией подлых...

Я всё-таки предпочитаю литературу “деревенчиков”, как ни странно, выросших при государственном атеизме, но всей пуповиной повязанных с глубинным крестьянством, а стало быть, и с Богом... Но ликоносные образы крестьян, с такой любовью выписанные Шолоховым, Беловым, Абрамовым, не преподавались по сию пору и не преподаются в школах, зато “Мёртвые души” с Селифанами, ковыряющимися в носу, Чичиковым и Собакевичем – это уж будь добр, прочитай и выучи! Они подаются в дремучее историческое сознание школяров как образ России.

Пока же строчи свои стихи и поэмы. Такой у тебя возраст. Но через многие годы, может, ты перечтёшь эти строки и подумаешь: стоит ли браться за перо и посвящать ему жизнь!

А пока неутомимая русская тройка вывозит со двора гимназии высших наук г. Нежина бывшего её воспитанника Николая Васильевича Гоголя-Яновского. Мало кто узнает в нём то золотушное тщедушие, спрятавшееся в тёплых обмотках одежды! Он окреп за эти годы, подрос. Стал щеголять прической и одеждой. Вполне напитался идеями прогресса и равенства, научился разыгрывать пьески на немецком, французском языках, и сыграл их так много на подмостках сего заведения, что, пожалуй, уже начал превращать собственную жизнь в бесконечную и занимательную игру. И если он ещё не отрицал христианские ценности, то вполне к ним охладел. Неучёные батюшки неспособны были понять высоких идей просвещения. А борьба с духовенством, равно как и презрение к простонародию, лежали в основе учения всякого “братства”.

Но не будем забегать вперёд, Серёжа, крестник мой. Пока же Гоголь трепетно трогает тонкими, ненагруженными пальцами саквояж, где покоится главная надежда его юношеской жизни – трагедия в стихах “Ганц Кюхельгартен”, – о ней мы уже упоминали, и образ кумира, поэта Александра Пушкина, с мечтою о встрече, сладостно питает его сердце... Вот с таким духовным

багажом та же тройка понесла его чуть позже в Петербург из родного дома, где уже не было отца, скоропостижно скончавшегося, и меньшого брата Ивана, где он оставил свою мать, прочившую ему великое будущее, и некрасивых сестёр.

В Петербург он поскакал за славой...

На сегодня всё, сыне моё духовное! Помоги тебе Господь в полной мере вкусить светлую радость Поста!

Оставляю тебе домашнее задание: найди (сейчас это несложно по твоим интернетам) работы Машинского С. М. "Гоголь и дело о "вольнодумстве". М., 1959 и Павлинова С. А. "Тайнопись Гоголя". М., 1996 г. Может, иронии в твоих устах поубавится по прочтении хотя бы сих трудов!

После канона, как всегда, потеплело. Солнышко лучится и катается по небу, как сыр в масле... Но ты не сильно-то доверяйся этому ненадёжному ещё теплу, слушай мать свою и носи свитер, который она связала для тебя с глубокой молитвенной любовью.

*Строгая твоя крёстная
н. р. Б. Валентина*

Письмо пятое

Здравствуй, дорогое мое чадушко!

Помоги тебе, Господи, Серёженька, во всех искушениях и соблазнах Великого поста.

Уже идёт Крестопоклонная... Серёдочка Поста, строгая, как и страстная... Ручьи текут по дорогам. Кое-где уже вытаяло до земли. Светло по-мартовски, слепяще...

Ты пишешь, что ты не в духе всю неделю с того, что, вернувшись с концерта симфонической музыки, где исполняли Моцарта, ты поссорился из-за пустяка с товарищем по комнате, который показался тебе тупым, а до того был добрым и отзывчивым другом. Он, видишь ли, никак не отреагировал на твои восторги о "Реквиеме" гения Моцарта... Тебя до того потрясло это произведение, что захотелось умереть под эту музыку...

Серёжа, меня очень встревожило состояние твоей души. Вкратце поговорим о нём...

"Моцарт – гений!" – восклицаешь ты в пафосном восторге. Наверное! И Пушкин – гений, и Гоголь, и долгий, долгий ряд гениев искусства, науки, литературы!

Но спасает ли этот ряд душу от гибели? Молитва, которую читал твой однокашник, пока ты в постовое время сидел на концерте (пусть и слушая гениальный "Реквием"), спасает. Ужин, который он тайно принёс для тебя, присокупив к нему два своих яблока, – спасает. Нищая старуха, которую вы перевели через дорогу, тайно опустив ей в карман пятисотку своей стипендии, – спасает. А вот Моцарт, будь он трижды гений, – вряд ли!

Да, "Реквием" – красивая, высокая музыка. Тёмный минор её целен и благородно напряжён... Но какая космическая, мировая скорбь, нарастающая тоска (особенно в *l'akrimosa*) – вплоть до отчаянья, до вызова Богу! Как присуще это католичеству – эмоциональные перекосы, сродные холодным натурам! Это мировой вопль по падшей душе! Каинов плач, сопровождающий душу в ад. Бесплодный и надменный... Таков же механический Бах. Он плавает в облачных сферах, он не испрашивает прощения, он делает Господу услугу, вельможно кланяясь ему. Это мировая скорбь распада, следствие отпадения от Творца. Холод гордой души...

А теперь вспомним отпевание усопших у православного народа, панихиды, молитвы на исходы души по Псалтирю в подобные сокровенные моменты... Сколько тепла и смирения исходит из уст священника при панихиде по усопшем. Это свет Рая, славянская тризна по завершению жизненной страды и краткие проводы её вверх, по лестнице, к Господу, на которого звучит доверчивое и полное упование.

"...егда мертвии услышат глас Сына Божия и услышавшие оживут..." Чаяние о воскресении всякой души и плоти и испрошения прощения, и упования на Милосердие Всевышнего. "Аз же на милость Твою уповах...", "Со Святыми упокой...", "егда несть болезнь и печалей" и оправдание усопшего, и молитва за него "Покой, Господи, душу раба Твоего усопшая, и елика в житии сем, яко человек согреша. Ты же яко Человеколюбец Бог, прости его (ю) и помилуй, вечные муки избави, Небесному Царству причастника

учини, и душами нашим полезное сотвори...” Как благодатна сия молитва, росой милости и слезами кротости увлажнена!

Слышишь, Серёжа, эти живые и вечные глаголы? Усвой их сердцем! И недаром, когда наслушался ты “Реквиема”, товарищ твой оступел для тебя. В своём экзальтированном негодовании ты не услышал молитву, которую он сотворил тебя ради, и не заметил его заботы о тебе. Так ожесточило твоё сердце искусство?! Чистое око, Сергей, видит чисто (по Писанию). Так же холодно и надменно смотрит на нас Запад...

Я не против познания чужой культуры. Просто опасно заменять ею свою кровную в душе. Мать ведь не заменишь на чужую женщину только потому, что она лучше одета...

Но вернёмся к Гоголю. Итак, он со своим однокашником Данилевским едет в северную столицу – холодную громаду русских императоров (в основном европейского происхождения). Порождение Петра, сей серокаменный город впервые после древней княгини Ольги дерзнул вручить царский скипетр женщинам, иностранкам и инославным по происхождению, и отнюдь не исполненным древнего благочестия, что, может, более всего и сказалось в его античной пышности, обилии дворцов и фонтанов и сравнительно с Москвой скудным числом Церквей...

Златоглавая и белокаменная твердь древних русов Москва закладывалась мастерами при помощи молитвы, и замеры производились меркою пояса Пресвятой Богородицы, за которой ещё новгородские монахи ходили на Афон! Петербург строился при помощи циркуля и угольника!

Всё же столица манила к себе птенцов Петра... И они, с радостью вылетая из родимых гнёзд, собирались в полутёмных и сырых мезонинах и подвалах Петербурга. Гоголь летел в столицу с самыми радужными надеждами. Он жил уже предвкушением собственной славы. Он страшно волновался и нетерпеливо при въезде в город высовывал голову на мороз. Оттого сразу простудился и пролежал в простуде целую неделю, в одиночестве на съёмной квартире. Петербург очень разочаровал нашего малоросса.

Во-первых, его никто не ждал в столице. Сановник, к которому у Гоголя было рекомендательное письмо от его благодетеля Д. Г. Трощинского, был в это время опасен болен, и молодой южанин не был принят у него. Сама столица не показалась ему такой красавицей, какой мнилась она в его воображении. А он никогда не жил реальностью, а только воображением (зачастую воспалённым). Деньги, припасённые на первое время, ушли быстро, так как жизнь в серокаменном оказалась очень дорога, и он без конца просил денег у матери, которая после смерти Василия Афанасьевича, мужа своего и отца Гоголя, начинала нуждаться.

А самое горькое, что Гоголь никак не смог встретиться со своим кумиром, светом всей его жизни, Пушкиным. Правда, однажды, движимый потребностью видеть свою “икону”, он робко приблизился к дверям квартиры, в которой жил поэт (предварительно приняв рюмку ликёра для храбрости), и на вопрос: “Хозяин дома?” – услышал: “Почивают”. “Наверное, всю ночь работал?..” – замирая от восторга, спросил слугу молодой почитатель своего гения. “Как же, работал, – ответил слуга, – всю ночь в картишки играл”. Удар для наивного провинциала был тяжёлым и неожиданным.

В итоге всё разочаровало его в Петербурге. Вдобавок в этом же году (1829) умер благодетель Гоголей Трощинский. Его наследник оказался прижимистым и чванливым, и помощь из дома становилась всё реже и скуднее... Гоголь сидел без обеда неделями (вспомни, друг мой, “Ревизора” и голодные вопли Хлестакова – стенания из собственного опыта) и без конца обращался за помощью к матери. Впрочем, он не сидел сложа руки в столице. Уже летом 1829 года в Типографии Плюшара вышло сочинение некоего В. Алова “Ганц Кюхельгартен”, написанное Гоголем в 1827 году. Сие сочинение не имело никакого успеха. В “Московском Телеграфе” отозвались о нём весьма язвительно. Прочитав заметку, Гоголь со своим слугою Якимом обежал книжные лавки и, изъяв свои экземпляры, сжёг их все до одного в гостинице. Думаю, что традиция жечь свои опусы вполне бытовала в XIX веке, и Гоголь продолжал её не раз. Его творения познали огонь ещё несовершеннолетними, и последние страницы их познали ту же участь.

Напрасно метался будущий писатель по городу в поисках приличной службы. Без основательной протекции ему было отказано везде. Несчастливая мать Гоголя (Мария Ивановна Гоголь, в девичестве Косяревская) выслала сыну с трудом собранные 1800 рублей, чтобы он заплатил налоги в банке за землю. Любезный сын получил деньги и, сославшись на пламенную страсть

к какой-то неизвестной особе, уехал на эти деньги в Германию. Налоги в банке заплатил наследник благодетеля Трошинского под залог имения. Узнав о подвиге обожаемого матерью Никоши, он заявил: “Мерзавец! Не будет с такого добра!” Своим поступком, Серёжа, молодой Гоголь буквально выкидывал свою “дражайшую маменьку” на улицу вместе с пятью дочерьми, его сёстрами. Имение ушло бы в публичную продажу с молотка!

Таков молодой Гоголь! Самолюбивый, болезненный, изнеженный женским воспитанием! Конечно, молодость, скажешь ты. И тебя тянет повидать свет самозабвенная жажда славы и предчувствие её. Первая нужда, холод одиночества и ненужности – всё это даёт выбоину в сознании впечатлительного молодого человека.

Петербург он не полюбил. Просторный проспект Невского не имел для него места, парадные подъезды не открывались перед ним, и лакеи не торопились доложить о его приходе хозяевам. И главное. Выросший в сытости, здоровом хохлацком изобилии, где и дворня немилосердно объедалась, он здесь голодал. Жизнь в Петербурге оказалась очень дорогой. Оттого чёрная тоска нападала на него в чужом, чуждом ему городе. Возвратившись из-за границы, он попытался вступить в число актёров, памятуя о школьных подмостках, но провалился полностью сразу после первой же репетиции. Наконец, ему, уже близкому к отчаянию, вызвался помочь Ф. Булгарин. Его устроили писарем в III Отделение, в канцелярию. Прослужил он недолго и исчез, потому что не имел ни охоты, ни тяготения к службе. Собственно, то же произошло в департаменте Уделов. Он оказался плохим чиновником.

В 1830 году предприимчивый Гоголь достал от кого-то рекомендательное письмо к Жуковскому В. А., поэту, воспитателю царского наследника. Молодого Николая тянуло в свет. В высший, как он тогда назывался, и пишущий. Кроме своего многострадального “Ганца Кюхельгартена”, в котором он воспел Германию и её благородного немца, он написал и напечатал поэму об Италии, где воспел вечный город Рим. Голодный, безвестный, обирающий бесконечными прошениями о деньгах свою “дражайшую маменьку”, которая забыла, как сын обездолил её (благодаря Никоше имение под залогом, и приданого дочерям нет). Но пылкая Марья Ивановна бредит, что сын станет генералом, потом она назовёт его гением. Гоголь жил воспалённым воображением, мечтами о встрече с Пушкиным, о загранице, о славе, меняя квартиры, унижался, обижался, плакал в холодном одиночестве, но в родную Васильевку его не тянуло.

В. А. Жуковский сдал юного провинциала на попечение литератору Плетнёву. Именно по рекомендации Плетнёва Гоголю было предоставлено место учителя истории Патриотического института, инспектором которого Плетнёв являлся. Место было значительным. Для его предоставления было необходимо тогда соизволение Его Императорского Величества. Кроме того, тем же Плетнёвым он был введён в известные дома Петербурга в качестве воспитателя Балабина, Лонгинова, Васильчикова... Знатные, приличные семейства.

Тогда же он начал печатать в журналах свои статьи, особо часто они появлялись в “Северных цветах” и “Литературной газете” – оба издания принадлежали известному поэту Дельвигу.

Плетнёв же рекомендовал Гоголя Пушкину, но встреча откладывалась...

Пока же он занимался с умственно отсталым чадом княгини Васильчиковой. Известный в то время модный писатель В. А. Сологуб, племянник Васильчиковой, вспоминая первую встречу с Гоголем в доме своей тётки, писал, как наставник слабоумного мальчика указывал ему на изображения животных на картинке и то блял, то хрюкал: “Вот это, душенька, баран, понимаешь ли, баран... бе-ее! Вот это корова, знаешь ли, му-му...” Вид у воспитателя был довольно жалким. Бедным пожилым дворянкам, компаньонам и приживалкам домашнего ареопага Васильчиковой и читал Гоголь свои первые перлы, которые писал ночами в своей холодной петербургской съёмной каморке, возвращаясь после воспитания вельможных отпрысков...

Он писал знаменитые “Вечера на хуторе близ Диканьки”!

Я иногда думаю, Серёжа, мальчик мой, как полезно бывает молодой душе пережить многие испытания, которые часто встречаются в жизни, особенно в её начале! Молодой Гоголь прибыл в столицу готовым западником. Западэнцем, как их по сию пору называют. Он давал маху только в одежде, сказывалась домашняя, чисто украинская тяга к ярким цветам и неожиданным их сочетаниям. А северная столица пребывала под властью серой Европы, и, конечно, более всего сие сказывалось в языке общения и вкусах. Прежде всего, в одежде...

И вот после первых поэтических опытов, вполне угодливо-прозападных, эпигонских, словно пробку вышибло из души юного провинциала! В тоске по родимой вотчине, её младенчески нежному языку, яствам и брашнам, простоте и яркости всей её великолепной жизни, он сел и написал настоящие шедевры русской словесности. Он написал свой народ...

Но об этом поговорим в следующем письме. А пока тебе задание: постарайся выбрать в библиотеку и прочитай в читальном зале (на руки тебе её не выдадут) в редком фонде книгу А. Н. Пыпина "Общественное движение в России при Александре I" (Санкт-Петербург, 1900). И не ленись на молитву, крестник мой! Не заменяй её чтением!

Постовой тебе радости и духовной молитвы, неизбывная память моя!

*Любящая тебя крёстная
н. р. Б. Валентина*

Письмо шестое

Здравствуй, мой светлый крестник.

С постом и молитвою тебя. Скоро Страстная... Самая высокая и духоносная неделя Поста. Помоги тебе, Господи, в полной мере осознать ту глубинную суть перемен, победоносный свет которых сопровождает каждую службу этой недели...

Серёжа, я не пишу биографии Гоголя! Реферат ты напишешь сам. Мы с тобою пытаемся разобраться в духовной трагедии Гоголя, которая зеркально повторяет трагедию русского художника вообще, а потому так или иначе может отразиться во множестве судеб во многих веках. Потому что Божий Дар такой силы и выражения не бывает случайным. Прежде всего, это понимает враг и убийца рода человеческого и пытается увести дароносца от заповеданного ему Богом пути.

А дар Гоголя во всей его полноте выразился враз, взмыл всей громадою. Тот самый, что ещё не виден был на подмостках крепостного театра, ни на гимназической сцене. Тот самый, что незримо входил в него роскошными южными вечерами рассказами дворовых, гулянием парубков, певучей древней былинной, мамушками, няньками, сказами бабушки, булью и враками, что передавались из уст в уста, мыками уживаясь в сознании народа.

Душа молодого Гоголя вскрылась, как весенний лёд на реке. Вскрылась в сером, туманном Петербурге, где он голодал и бесконечно мёрз (потому что и дрова в этом городе были дороги), в утробной тоске по родине, которую с такой силой он испытал впервые в жизни, благотворной тяге к собственным истокам...

Именно эта тяга и пробилла наросты немецко-французской ледящей наледи в душе, разлилась весенним половодьем, ярмарочно отображая дивчин и парубков, чумаков, жинок, мужиков, и воров, казаков и ведьмаков... Все детали первородного и богатирского быта.

Ах, Серёжа, мальчик мой, благодаря тебе я вновь перечитала раннюю прозу Гоголя, пережила несказанную радость его языка и сквозь века и пространства услышала первозданное дыхание родимого народа. Как играют в творениях молодого Гоголя наши глубинные славянские ключи и истоки: "Дед мой (Царствие ему Небесное! Чтоб ему на Том свете елись одни только буханцы пшеничные да маковники в меду) умел чудно рассказывать. Бывало, поведёт речь — целый день не продвинулся бы с места и всё бы слушал. Уж не чета какому-нибудь нынешнему балагуру, который как начнёт москаля везть, да ещё и языком таким, будто ему три дня есть не давали, то хоть берись за шапку да из хаты. Как теперь помню, — покойная старуха, мать моя, была ещё жива, — как в долгий зимний вечер, когда на дворе трещал мороз и замуровывал наглухо узенькое стекло нашей хаты, сидела она перед гребнем, выводя рукою длинную нитку, колыша ногою люльку и напевая песню, которая как будто теперь слышится во мне... Но ни дивные речи про давнюю старину, про наезды запорожцев, про ляхов, про молодецкие дела Подковы, Полтора Кожуха и Сагайдачного не занимали нас так, как рассказы про какое-нибудь чудное дело, от которых всегда дрожь проходила по телу и волосы ерошились на голове".

Век бы переписывала, и рука не устанет!

А ты уж, Серёжа, чадо моё крёстное, не поленись вчитаться, узреть душою образное чудо родного языка, а изначально — путь твоего народа. Всегда пребывало и переживалось в этом бесконечном пути. Не всё солнцем играли первоистоки русской души, бывало, и тьма-тьмуца налетала...

Вот здесь мы затронем с тобою, Серёжа, одну из самых болезненных ошибок его молодости и творчества.

Да, диво дивное, чудо чудное, образное воплощение Гоголем старорусской жизни на бумаге! И той, что услышана им от дедков да мамушек, и той, что вспомнил он сам, глубинным генным сознанием, которое незримо и памятно, вечно в нас, и не всегда мы познаём его. Это память о пройденном народом и родом пути. Все эти Ганночки, Панночки, Иваси, Тарасы и Басаврюки — все прожили свою жизнь на земле гения, прежде чем воплотились через его слова на бумаге. Но слишком глубоко копнул юный Гоголь историю, и с необыкновенною силою выразил не только живые лики своих земляков, но и тёмные силы, которые сопровождают всякую душу и её народ на всех их исторических весах. До Гоголя никто не дерзал писать беса в печатном слове! Да, убийца рода человеческого, неистощимый враг Божий жил всегда в сознании народа, который знал ему цену и понимал опасность, исходящую от нечистой силы. Но молва передавала память о нём полутайно. Из рода в род сказами стариков в полуночных бдениях, под пение веретена, с обязательным оберегом крестного знамения и хождением в Церковь святую, дабы отогнать падаля вражью от родного очага, да окроплением его рождественской водицей. Оттого в детском сознании чётко обозначалась грань между крестной и нечистой силой!

Мы с тобой уже говорили, Серёжа, что до печатной краски наш народ жил на совсем другом уровне общения. Вести летели незримо, как птицы по воздуху, душа слышала душу за многие версты, и слово падало в память, как семя на пашню, да и память была гораздо более развитой, чем у наших современников. Старик был, как полная копилка. Он знал всё обо всём, и дети за ним гурьбой ходили... А ныне старики — склеротики...

Но это к слову... И вот, мальчик мой, к несказанному своему ужасу россиянин читает: “Большая чёрная собака выбежала навстречу с визгом и, оборотившись в кошку, кинулась в глаза им... Глядь, вместо кошки старуха с лицом, сморщенным, как печёное яблоко, вся согнутая в дугу... Ведьма топнула ногою, и синее пламя выхватилось из земли...”

Это глухое, тёмное подсознание вырвалось из души молодого Гоголя: “Дьявольский хохот загремел со всех сторон. Безобразные чудища стаями скакали перед ним... Ведьма, вцепившись руками в обезглавленный труп, пила из него кровь...”

Он коснулся запретного, того, что закрыто в ковном сундучке глубинных генов, это русские Шумеры, чёрный Вавилон, страстная память его предков-волохов, которую мало того, что вынул из огненной геены своего воображения, но вывалил на страницы книги, где до того печатался Часослов да Псалтири, на худой конец — бездарное западное морализаторство...

Знаю, Серёжа, что и ты с приятелями под хохоток полусерьёзно, как бы шутя, в святочные вечера балуетесь тайком от воспитателей гаданием да заклинаниями... Не доброе это дело, солнышко моё! Не тебе объяснять, как коварны эти силы... Только обрати на них внимание, и душа возмутится, как вода в сосуде... Чистоты и покоя не узришь. Укрепитесь враг твой за левым плечом, застелет духовные очи, что войлоком... Недолго и, свернув с пути, пасть, вовлекая за собою других...

Гоголю был двадцать один год, когда вышла в свет (без подписи) в “Отечественных записках” повесть “Басаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала...”. Поприще его определилось.

Читающий Петербург заметил его сразу.

“Надо бы познакомить тебя с молодым писателем, который обещает что-то очень хорошее”, — писал душепопечитель Гоголя по Петербургу Плетнёв Пушкину. О Гоголе говорили в светских салонах и студенческих аудиториях. Спустя два года “Вечера на хуторе близ Диканьки” вышли в свет полностью. Петербург упивался живою, творческою кровью, бьющей энергией малороссийской жизни, о которой он и не подозревал дотоле.

“Сейчас прочёл “Вечера близ Диканьки”. Они изумили меня. Вот настоящая весёлость, искренняя непринуждённость, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия. Какая чувствительность! Всё это так необыкновенно в нашей литературе, что я доселе не образумился!” Это Пушкин в письме А. Ф. Воейкову из Царского Села.

Для Гоголя наконец-то открываются парадные подъезды. В его честь устраиваются вечера, задаются обеды. Он вводится в круг литераторов Петербурга. Наконец, знакомится со славянофильскими его кругами, в частности, с Аксаковым С. Г. “Эффект был сильный, — пишет Аксаков. — Я сконфузился,

бросился надевать сюртук, бормоча пустые слова пошлых рекомендаций”. А ведь Гоголь был очень молод ещё, чтобы производить такое впечатление на устоявшиеся известные круги.

Окрылённый успехом, Николай Гоголь продолжает писать: “Я тружусь, как лошадь, — писал он в 1834 году Максимовичу, — ... над собственно своими вещами”. За год он создаёт “Старосветских помещиков”, “Портрет”, “Невский проспект”. В бумагах Гоголя 1834 года найдена клятва, полная плачущего восторга. Она обращена к собственному гению: “Великая, торжественная минута, — пишет он. — ... У ног моих шумит прошедшее, надо мною сквозь туман светлеет неразгаданное будущее. Молю тебя, жизнь души моей, мой гений! О, не скрывайся от меня!.. О взгляни, Прекрасный, низведи на меня свои чистые небесные очи. Я на коленях, я у ног твоих”.

По сути страшное, Серёжа, обращение молодой души, иступлённое стелание не к Богу, не к Пречистой, а к своему гению, собственно, к себе любимому. “... Я не знаю, как назвать тебя, мой гений... живи на земле со мною хоть два часа каждый день, как прекрасный брат мой... Жизнь кипит во мне. Труды мои будут вдохновенны. Над ними будет веять недоступное земле божество! О поцелуй и благослови меня...”

Ты скажешь, вдохновение... То есть дух! Дух же духу рознь. Своим гением он живописал окол земную нечисть Басаврюков и Виев, колдунов и ведьм, и, вскрыв гееннские истоки вечности, внедрил их вновь в сознание потомков. Хочу заметить тебе, крестник мой, что слава Пушкина в умах его современников была гораздо слабее, чем слава Гоголя, его нижайшего поклонника.

В двадцатых числах мая 1831 года двадцатидвухлетний малоросс наконец был представлен своему кумиру Пушкину. Но об этом в следующем письме.

Света тебе, мой мальчик, в самую прекрасную неделю Великого Поста. Этой неделей Господь наш спас человечество.

*Твоя “Кока”,
р. Б. Валентина*

Письмо седьмое

Христос Воскресе, раб Божий Сергей! Обнимаю тебя за радивое исполнение Поста и радуюсь вместе с тобою светлому Воскресению Бога нашего Иисуса Христа!

Ах, всё воскресает, отрочатко, вместе с Господом нашим! На Страстной стаял последний снег, и сразу полезли одуванчики и подорожники. Природа знает своё дело!

Теперь о встрече двух гениев. “Судьбоносной для России”, — пишешь ты. Я бы не сказала об этом столь выпендрено. Пушкин и Гоголь встретились уже сложившимися литераторами. Гоголь выпустил законченными свои “Вечера...”, о которых заговорил читающий Петербург, а Пушкин уже был Пушкиным. Опытный взор его сразу узнал в Гоголе своего. “На вечерах Плетнёва я видел многих литераторов, и в том числе А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя. Пушкин и Плетнёв были очень внимательны к Гоголю... Со стороны Пушкина мне это было вовсе непонятно: Пушкин всегда холодно и надменно обращался с людьми, мало ему знакомыми, не аристократического круга и с талантами, мало известными...” — писал племянник поэта Дельвига барон А. И. Дельвиг.

Ах, Пушкин, Пушкин! Пушкин, Пушкин, Пушкин, Пушкин...

“Наше всё!” — как сознаются многие мои современники, и сверстники мои особенно. Мы возросли на Пушкине. С детства сказки — Лукоморье, Гвидоны, Салтан — царь-батюшка. Помню, читала тебе “Руслана и Людмилу”, глядя, как замираешь от восторга и нетерпения...

Эти сказки юный Пушкин черпал тоже из народной памяти. И Гвидон, и Салтан, и дядька Черномор — всё это сказы нянюшки Арины Родионовны, которые наш народ вынес из своего шумерского прошлого, из самого изначалья человечества. И расступающееся море, и Салтан — Салтанасар V (читай Соломон), древний Вавилонский царь, и Гвидон в просмолённой бочке (читай — плывущий в смоляной корзине Моисей), и Карла, сила у которого в бороде (читай — Самсон) — всё это знал и помнил русский народ, пронёсил веками в недрах своей памяти, не записывая, а передавая из уст в уста.

На русском языке их записал Александр Пушкин. В этом его несомненная заслуга перед нашим народом.

Да, многие его творения прекрасны. Да, в них дышит поэзия высокая и истинная. Но это поэзия жизни человеческой. Это поэзия души, но не Духа,

который в очень редких и поздних проявлениях поднимается до высот того религиозного сознания, которым простой народ дышит с младенчества.

Архимандрит Иоанн в своей брошюре “Размышления о религиозности Пушкина” (Берлин, 1937) пишет: “До самых последних дней Пушкин не был религиозным человеком в христианском значении слова, но не был и неверующим. Религиозность его была столь же “романтична”, как и внутренняя религиозность его поэзии”.

“Пушкин наше всё!” Нет, не всё! И не начало, и не конец!

До Пушкина в России (я уже писала тебе об этом) был собран громадный житийный свод Димитрием (Ростовским), сохранялась литература, уходящая в глубинные пласты русской истории, начиная с Велесовых таблицек. Мы имели известный, всё ещё поверхностно прочтённый труд митрополита Илариона, “Задонщину” и “Слово о полку Игореве”, труды Кирилла Туровского. Я уже не говорю о песнях и повестях XVII века, обилие и красоту которых не превзошла ни одна художественная литература любой европейской страны. Всё это написано и собрано за много веков до Пушкина. И эта литература питалась истоками Православия и народной мудрости. Это литература летописей, сказов и песен. Литература Библии, Псалтири, Часослова, молитвенные записи духовных стихов, которые несметно бродили в народе, выражая его мировоззрение от Голубиной книги, переложения Ветхого Завета в песни, до стихов назидательных, обрядовых, сюжетных и всевозможных плачей...

Просвещенцы видели образование в знании европейских языков и их лукавых философий. Русский крестьянин образовывался от образа Господня, Пречистой Его Матери, и святых своей земли, законы которой они постигали сызмала. Просвещенцы в мировоззрении корневого крестьянства видели зло и невежество. Народ не любил дворянства, не считал его родной частью своей жизни. Пути народа и его аристократии разбегались в стороны, как кольца ножиц. Но сердцевина их была одна.

Народ, по большому счёту, Серёжа, жил жизнью Церкви и Духа, дворянство — души и культуры с мощной передозировкой западнической прививки. Ты утверждаешь, что много читал о Пушкине как о народном поэте, знающем и любящем народ. Увы, мой друг. Гордился он не столько своей историей (что, собственно, и указано в той расхожей цитате, которую ты мне приводишь), но более своим шестисотлетним дворянством. В одном из своих писем друзьям (кажется, Соболевскому) перед самой свадьбой Пушкин пишет о том, что он продал двести душ крестьян и заложил четырёхста (за точность счёта не ручаюсь), и сетует, что денег на свадьбу всё-таки не хватает.

Для сравнения хочу напомнить тебе, Серёжа, что в то же время, недалеко от имени Пушкина, подвизался в духовном подвиге один из самых ярких светильников России — преподобный Серафим Саровский. Сам он, как ты знаешь, был из зажиточного купечества, но крестьянство и простонародье протоптало к нему торные и просторные пути. Шли и шли, и по сию пору идут. Именно святой Серафим в то время, когда Пушкин закладывал ради свадебного бала своё крестьянство, стоял на коленях перед дворянином, своим послушником Мотовиловым, и просил не отвергать дворовую девку, которую Господь (он прозрел это в молитве) послал ему в жёны... Разница, как видишь, великая...

В 1801 году в Петербурге основалось вольное общество любителей наук, словесности и художеств. Особое покровительство при Александре I было оказано литературе: “Редко какой-нибудь правитель оказывал такое поощрение литературе, как Александр I”, — говорит его летописец Шторх. Писатели вознаграждались чинами, орденами, пенсиями. Им выделялись крупные суммы на печатание трудов. Сам император читал рукописи многих писателей, и при его одобрении они печатались за счёт кабинета, как и все последующие труды авторов. Почти все известные писатели имели орден Анны II степени в знак отличия за литературные заслуги.

“Множество русских писателей, представлявших императору свои сочинения, награждены были перстнями, табакерками и другими ценными подарками. Случаи такого рода становились столь обыкновенными, что не стоит упоминать о них”, — свидетельствует тот же Шторх.

Между литературными партиями тех времён возник спор старого и нового слога. Защитником старого становится президент Российской Академии Наук Александр Семёнович Шишков. Сей мужественный деятель, конечно же, играл роль удерживающего от западного влияния. Учёный, писатель, патриот, он писал стихи и рассказы для детей, составив на Руси первую детскую библиотеку. О нём говорили, что он двигает всенародным духом. И в языке русском он искал духовные корни народа. “Я почитаю язык наш столь древ-

ним, что источники его теряются во мраке времён, — писал он, составляя свой знаменитый корнеслов. — ... Наш язык — древо, породившее отрасли наречий иных”.

“Где чужой язык употребляется предпочтительнее своего, где чужие книги читаются более, нежели свои, там при безмолвии словесности всё вянет и не процветает”. Мало что из его современников столь глубоко проникал в истоки жизни всякого народа — его язык. Особенно русский, который Шишков знал досконально. Он понимал опасность, которая исходила от множества “обществ” и их разрушительных бацилл, какими бы благородными помыслами они не прикрывались. Он указывал на недопустимость двуязычия в нашем обществе. Я не говорю о народе — он имел свой язык, и хранил его тогда свято.

Спор разгорелся, как ни странно, между ведущими светилами литературных партий — Шишковым, за спиной которого стояли имена Ломоносова, Державина, Сумарокова, и историком-публицистом Карамзиным, за которым стоял могучий кружок Жуковского, близкий ко двору и императорской особе.

Шишков отстаивал корневые понятия языка, пусть не столь быстрые, но основательные, спокойные, тяжеловатые обороты русской речи. Карамзин настаивал на обновлении языка. Он утверждал, что необходимо освежить литературные формы. Когда человек равнозначно говорит на нескольких языках, он поверхностен, он стирает национальные границы в своём сознании. Становится гражданином мира.

Кружок Шишкова, прозванный консервативным, восставал против Франции как исчадия всех революций, навязанного дворянству французского воспитания и пристрастия во всё следовать иноземному. А главное — в пренебрежении к родному языку. Это были люди, мало известные ныне. Поскольку русофобская политика прошедших времён держит их имена в прочном забвении.

Я тебе назову, Серёжа, те несколько, с которыми ты будешь обязан познакомиться поближе. Имена тех, кто посмел служить Отечеству не за страх, а за совесть: Шишков, Ростопчин, Аксаковы, Киреевские, Аракчеев, Победоносцев, Катков, Суворин, Тютчев, Сталин... Мотовилов, Мельников, Восторгов, архиепископ Никон, митрополит Филарет, Иннокентий... и весь ряд русских святых... Начни с оклеветанного царя Иоанна Грозного! Реакционеры, мракобесы — как их ещё поливали! Они подымались за целость русского языка, веры и культуры. Указывали на величайшую древность и Божье начало россов Руси. Толковали дворянское воспитание с чуждыми языками изменою (что так и было) и предрекали смертоносную близость революции (что так и стало).

Спор решил Пушкин.

Пушкин утвердил нынешний литературный язык, на котором я пишу тебе письма. Слава Богу, ты отвечаешь мне живо и интересно. Не попади Россия в западные сети, мы говорили бы иначе?! Наверное. Это была бы другая русская земля... Но на то и щука, чтобы карась не дремал! Попущение Божие не бывает зряшным.

Мы остановились с тобою на Пушкине, потому что на сём подводном камне запнулась Россия. Последние годы он обернулся к истории своего народа, но не успел... Те же силы, что подняли его при жизни и в веках, они же и уничтожили его, не дав величайшему дару послужить в полной мере Богу и Отечеству!

Знаю, Серёжа, что дворянскую литературу ты знаешь назубок и любишь цитировать её (особенно девицам!), но для рефератов, прошу тебя, выбери двух поэтов этого времени. Кольцова и Никитина. Проследи их судьбу и творчество, соотнеси их с крестьянством того времени и языковыми его особенностями. Заодно и познакомись со всеми!

А пока Гоголь и Пушкин встретились. Но об этом в следующем письме... Ты ничего не написал матери о Пасхальном своём Причастии. Она волнуется! Будь повнимательнее, мой мальчик, к любящей тебя и непрестанно молящейся о тебе родной душе. Пока мать жива, ты крепок и спокоен по её молитвам! А я уж так! Я в сторонке...

*Но все же любящая тебя крёстная
р. Б. Валентина*

Письмо восьмое

Отрочатко моё духовное, Серёженька!

Радёшенька твоя крёстная письмо твоему, родным, узнаваемым каракулям... Ты всё о книгах... Я бы хотела, чтобы, выходя из стен семинарии,

ты почаще взглядывал на небо, на звёзды, на траву и цветы... Почаще бы опускал руки в землю. Земля, мой друг, всему научит. Когда ты работаешь с землёю, ты спокоен, как дома... Тогда у тебя есть всё!

Мы с мамой твоей в саду... Всаживаем клумбы и грядки, сеем рассаду... На Святых Миротвориц были в храме, где светло и радостно после поста. Батюшка Николай благословляет тебя и справляется о твоих успехах...

Укоряешь меня в неправоте, Сергей! И ты прав, мой мальчик!

Ты с упоением читаешь Пушкина, особенно его "И сердце вновь болит и любит оттого, что не любить оно не может". Читаешь, когда почаству взглядываешь на девицу с косою из певческого хора. И тебя волнуют и Пушкин, и её коса-искусительница. Пишешь ты, что так смеялся, читая "Мёртвые души" Гоголя, что разбудил товарищей по комнате и прочитал им отрывок о Ноздрёве, и за ночной общинный хохот вам влетело от воспитателей. Всё так! Всё правильно! Сейчас ты упиваешься жизнью. И слава Богу! И тебе не нужна правда! Она вообще нужна ли на этой земле? Может через десятки лет, побелённый сединою, ты перечтёшь мои письма и тогда дашь ответ?!

И всё же вернёмся к Гоголю! Итак, два гения встретились! Оба уже poznали славу. Оба написали то значительное, что сделало их именами великими. "Наше всё" и "Тоже наше"! И если и было влияние Пушкина на малороссиянина, то гораздо ранее. В Нежинской гимназии, когда Гоголь читал ходившие по рукам стихи поэта. У них было много общего в судьбе. Оба гениальны, умны. Нежинская гимназия — малый слепок Царскосельского лица. Оба имели царствующего покровителя. Получили западное воспитание. Пушкин был живое порождение высшего света. Гоголь рвался в этот свет. С выходом "Вечеров..." о нём заговорили в светских салонах, университете, литературных кружках. Иногда он бывал в Москве, где славянофильский круг Аксаковых принимал его с восторгом и благоговением. Это был первоначальный Гоголь. Завсегдатай обедов, весёлый, шумный. Любящий щегольнуть малороссийской речью и песней. Сам приготавливавший вареники и галушки. Любил пёстрые галстуки, яркие жилеты, взбивал кокон надо лбом. Много-много писал ночами... Страстно любил Малороссию, её песни, думы, историю. Он был очень наблюдателен и холоден в своих заметках.

Начиналась иная пора его жизни и творчества — петербургская. Но Гоголь не полюбил Петербурга!

Серый холод, туманы, камень... Но именно здесь он развил свою наблюдательность до предела. То, над чем вы, будущие духовники, с таким наслаждением смеялись, есть выражение уродливых сторон человеческой жизни. Я бы сказала, что его до такой степени потянуло во тьму, что он перестал различать свет от тьмы. Этому способствовал Белинский! Злой дух, до конца своей жизни преследовавший гения. Вначале обольстил, написав, что смех Гоголя растворён горечью. "О, бедное человечество! Жалкая жизнь, — писал Белинский о "Старосветских помещиках"... пили, ели, и потом умерли!" А как же! В масоны не вступали, к бунту не призывали, власть чтили, любили друг друга (можно сказать, эта повесть — поэма о любви), молились Богу, странноприимствовали — исполнили за жизнь все заветы Нагорной проповеди! Конечно, они жалкие для нашего пламенного Виссариона с его Прометеевской гордыней.

Гоголь торжествовал. Поворот в сознании и отход от родины и Божьих начал свершился. Пред нами уже другой Гоголь. Он глядит на Россию с язвительной издёвкой. Он перепутает её с чиновничьим Петербургом. И пока он язвит и бредит, Белинский, как коршун, парит над ним, отслеживая каждое его слово. А Гоголь пишет много: 1833 год — "Арабески" и "Миргород". Начата первая редакция "Тараса Бульбы", написаны "Портрет", "Невский проспект", "Вий", много статей о литературе. В эти годы он завязывает множество знакомств и связей. В эти же годы он тесно сближается с В. Жуковским, одной из самых влиятельных фигур Петербургского высшего света и литературного мира. Жуковский покровительствовал ему всю жизнь. Как воспитатель царского наследника, В. Жуковский многое мог, все салоны Петербурга и Европы были открыты для него, поэта и видного царского вельможи. Литераторы часто встречались. Дружба их была душевной. Оба много путешествовали, не раз виделись в Европе.

В 1831 году Гоголь знакомится с Александрой Осиповной Смирновой-Россет, одной из самых блистательных женщин России первой половины XIX века. Фрейлина императрицы Александры Фёдоровны, законодательница придворных и литературных салонов, умная, образованная Смирнова тоже благоволила к хохлу (как звала она его) всю жизнь.

Чуть позже, в Риме, Гоголь сдружился с Зинаидой Волконской, сестрой известной жены декабриста Марии Волконской. Западенкой до мозга костей, яростной католичкой, сторонницей польских и прочих восстаний, подругой Мицкевича, Иеронима Кайсевича, основателей католических масонских орденов.

И, наконец, Николай Васильевич Гоголь входит в самый влиятельный дом Петербурга – семьи Вьельгорских, графа Михаила Юрьевича и его жены Луизы Карловны, урождённой принцессы Бирон, женщины гордости недоступной, очень разборчивой в связях. Никогда она не сближается с людьми, не принадлежащими к её кругу. Однако для Гоголя было сделано безусловное исключение. После смерти её сына Иосифа, с которым Гоголь сдружился, он стал необходимым человеком для Луизы Карловны. Граф Михаил Юрьевич имел огромное состояние, сильнейшие связи, положение в свете и при дворе. Как меценату, в Петербурге ему не было равных. Знакомство Гоголя с графом состоялось гораздо ранее, чем тот был представлен семье и хозяйке дома. В 1831 году граф, привлечённый восторгами Жуковского и Плетнёва, присутствовал при чтении Гоголем “Вечеров...”

Дом Вьельгорских имел абсолютное и роковое, пожизненное влияние на судьбу и творчество писателя. Именно в атмосфере петербургских салонов утвердилось его воззрение на Россию как на страну невежества, отсталого и грубого духовенства, вотчину узурпаторов, рабов и тиранов.

Как видишь, Серёжа, после выхода в свет книги, талантливо исполненной, населённой полудиким народом вкуче с пляшущими чертями и бесами, перед автором “Вечеров” словно по мановению и тайному знаку открылись парадные подъезды знатных и богатых домов Петербурга, включая императорскую семью.

В 1835 году Гоголь навестил родных на родине, где его встретили овациями. Он купается в приёмах, похвалах, славе. Россию, её народ, её свершения (XIX век – расцвет науки, искусства, промышленности, образования) – всех этих достижений он не замечает. Россия для него – страна анекдотическая, над которой можно только смеяться. “С Божьего соизволения, мы с Гоголем очень хорошо столкнулись. Удивительно: он признал, что Россия – это розга, которою отец наказывает ребёнка, чтоб потом её сломать”, – писал Иероним Кайсевич в письме Яньскому в 1838 году из Рима.

Анекдот о ревизоре, как признаётся Гоголь в “Авторской исповеди”, ему подкасал сам Пушкин. Речь, как ты понимаешь, Серёжа, идёт об “Ревизоре”. Он написал комедию за месяц...

Пасквиль на всю чиновничью Россию... Пушкин, по версии, подсказал Гоголю происшествие, которое случилось с ним самим. Однажды его приняли в уездной губернии за ревизора. Могло такое быть? Конечно. Но между Пушкиным и Хлестаковым громадная разница. Пушкин был умён, образован, воспитан... Здесь по сцене мечется и врёт без передышки жалкий хлыщ, подчёркивая глупость и тупость провинциального чиновничества.

Ничего комичного в “Ревизоре” нет, кроме того, что его использовали всерьёз ненавистники России.

Провинция, Серёжа, была всегда умнее, пронительнее и глубже столичных воротил. Русская столица кормилась и кормится провинциальной, тогда уездной, окраиной. Её умом, талантом и хлебушком. В сей незатейливой пьеске передёрнуто всё, всё пересмеяно и извращено.

Возьми наш Иркутск, Серёжа, времён Гоголя. Купеческий, первопродовческий. Трезвый, умный, с глубинной культурой и взаимовыручкой. Что там Вьельгорский с его жалкими потугами на меценатство! Проходили пешими по Сибири, ставили церкви, школы, сиропитательные дома – наши Сибиряковы, Трапезниковы, Медведковы. Трапезников пожертвовал 200 миллионов на присоединение амурских земель к России! Во времена Гоголя, кстати. У нас были губернаторы, которые составили славу Отечества. Муравьёв-Амурский, например... Бывали, конечно, и курьёзы в уездных городах, но художник волен выбирать для себя то, что ему ближе.

Но чистое око видит чисто! И наоборот, можно ведь вернуться на родину из раздушенных салонов и увидеть только свинью в луже посреди дороги... И свиней в хатах... А можно увидеть красивый, здоровый народ, очень талантливый, памятный и хозяйственный!

Всё дело в том, что Россия из Хлестаковых и Городничих очень отвечала промасонскому злобному взгляду на неё. Гоголь того времени другого ничего не видел, а главное – не хотел видеть в русском народе. Тупость чиновников, пустота женщин, Церковь, в которой служат развратные и корыстные дьячки... Бобчинские, Добчинские... Злобно выхлестать её, матушку... Даром что ли

она два десятилетия всего назад в прах разбила просвещённую Европу с её великими полководцами. . . Бобчинские-Добчинские добывали?!

Тем не менее, сам Государь Николай I присутствовал на премьере “Ревизора”. Правда, сама глубинка, русская Россия не возрадовалась, увидав себя в гоголевском образе. Восторженных восклицаний не последовало. Скорее наоборот. И сиё обстоятельство очень обидело автора. А как же, Белинский был в полном восторге! А до этого насквозь неискущённому в сатире русскому читателю был представлен Гоголем столоначальник Поприщин. “Человек маленький, без достатка, явно болящий душою, умом “зело скорбен”. Начиная с Белинского, тьма литературоведов ищет в этом жалком, необратимо сходящем во тьму душевного распада петербургском чиновнике из повести “Записки сумасшедшего” “бездну философии” и, конечно же, протест (куда ж без него!) против существующего строя. А как прокатилась “Коляска” по “Невскому проспекту”!

Столь же “уродливый гротеск”, прихотливая избирательность художника в выборе героев. Поиски наиболее жалких, искажённых черт своих сограждан. “Грёзой художника” назвал Белинский весь этот уродливый ряд. “Драгоценные перлы поэзии”, “святители, да это целая каста, целый народ, целая нация”! Как им хотелось в весь этот бредовый набор типов вместить всю русскую нацию. . .

На сегодня всё, Серёженька! Уже утро, пора вставать на молитву.

Сегодня мы будем с твоей мамою высаживать перцы в теплицу. Те милые хлопоты, которые ещё далеки от тебя. До следующего письма.

*Твоя крёстная
н. р. Б. Валентина*

Письмо девятое

В Иркутске жар, Серёжа! Суховой, пахнет пылью и близкою грозой. Когда я читала твоё письмо, стрижи пикировали мимо распахнутого окна. Скоро, скоро грядёт гроза!

Помнишь Тютчева: “Люблю грозу в начале мая. . .” Как я люблю этого удивительного русского поэта с непростой судьбою, с редким достоинством, прошедшего сквозь западные соблазны, глубоко осознавшего их опасность и, в связи с этим, глубинную трагедию России!

Ты спрашиваешь, был ли Гоголь религиозен во времена писания первых своих книг. Я бы сказала, что, в отличие от Пушкина, он всегда был религиозен. Но по-разному. В детстве глубоко, в Нежине холодно. . . К тридцати годам под влиянием вельможного света он был чистым католиком. “В одном только Риме молятся, а в других местах показывают только вид, что молятся”, — пишет он в одном из писем к Кайсевичу. “Другие места” — это Россия! Страна богомолий, паломников, монастырей и старчества! Земля, о которой святой Серафим (кстати, современник Гоголя) сказал, что над нею дымка от молитв православных. Княгиня Зинаида Волконская, у которой Гоголь жил в Риме, всеми силами старалась обратить своего старшего сына из православия в католичество, и писатель помогал ей в этом.

Католические симпатии Гоголь высказывает практически в каждом письме соотечественникам из-за границы. Его умиляют пышные храмы и службы католиков, показательная их обрядовость, внешнее величие. В эти годы он много и с упоением путешествует. В Италию Гоголь влюблён. “О Рим, Рим! О Италия! Что за небо! Что за дни! . . . Что за воздух! Пью — не напьюсь, гляжу — не нагляжусь!” В Париже ему великолепно! Чудные храмы, святой город. . . В Бадене он читал начало “Мёртвых душ”, пил целебную воду. Всё ему там нравилось. В Страсбурге был поражён изобретательности старинных мастеров. . .

Зато о России, о Петербурге! “При мысли о Петербурге мороз проходит по моей коже, и кожа моя проникает страшной серостью и туманной атмосферой. . . Здесь бы, может быть, я рассердился вновь и очень сильно на мою любезную Россию, к которой гневное расположение моё начинает ослабевать, а без гнева немного можно сказать. . .”

Вот так, крестник мой. Гневливость — одно из довольно тяжких греховных чувств в Православии. Гоголь сетует, что гнев на Отчизну у него ослабевает. На Россию он может только рассердиться, по его мнению.

Заметь, Серёжа, в памятке своей жизни, что отход от истоков собственной Веры, как правило, влечёт за собою ненависть к Отчизне.

“Сентябрь Гоголь провёл в Париже...”

“Из Парижа Гоголь проводил Данилевского до Брюсселя, где они расстались”.

“В Рим возвратился через Лион, Марсель, Геную” (Хронологическая канва. Кирпичников).

Прямо гражданин мира! В Россию не тянет. Но сердцем, как он признаётся, он русский! Именно это сердце и носило его по свету, где в одном из заезжих трактиров Италии в углу, на свободном столике он начал заселять Россию мёртвыми душами.

Перенасыщенное путешествиями, чужой культурой и речью, сердце его горело недобрым пламенем к земле своих предков. Это сердце ещё помнило победы и беды своей земли, но глухой глубинной геной памятью, забитой чуждыми влияниями, воспитанием и чуждой религией! Это сердце не ведало полноты и величия современной ему России...

Множество соотечественников из дворянства и разночинцев подливало масла в сатирический хохот его сердца. Конечно, всё придворное семейство Вьельгорских принимало самое активное участие в жизни Гоголя. Граф Михаил Юрьевич приветствовал всё, что исходило из-под пера Гоголя. Графине Луизе Карловне он читал свои произведения. У него даже случился эпистолярный роман с одной из дочерей Вьельгорских, Анной Михайловной, но в жёны ему её не отдали. Слава славою, а брак был бы не равный. Родовитости Гоголю не хватило!

Зятю графа Вьельгорского, одному из виднейших либералов своего времени, другу Белинского, П. В. Анненкову Гоголь диктовал свою главу из “Мёртвых душ” о Плюшкине. Анненков назвал её гениальной. Так Гоголь писал свои “Мёртвые души”. За границу, вдаль от России, бесконечно далёкий от неё, он творил своим воображением Собакевичей, Плюшкиных, Ноздрёвых и Маниловых. Народ у Гоголя описан тоже. Основная часть его – в списках мёртвых душ. Живые: кузнецы-разбойники и хитрецы по полдня с одной рессорой возятся, лишь бы содрать с барина подороже. Селифан, мужик Чичикова, только и знает, что чесать затылок. Только и бренчит на балалайке перед дворовой челядью. Либо ковыряет пальцем в носу...

Лающий Собакевич, сладкоречивый Манилов, балаганный Ноздрёв. Ни церкви, ни души светлой, ни молитвы! После “Мёртвых душ” только и воскликнешь: “Здесь погребён человек!” А ведь тень наведена на Россию!

Прочитав “Мёртвые души”, Россию не полюбишь. Её не жаль такую потерять! Её можно только исправлять и перестраивать.

Поприщины, Собакевичи, Чичиковы, Акакии Акакиевичи, Пироговы, носы в колясках, Басаврюки, ведьмы, гнусавые дьячки...

Такую Россию трудно назвать матерью.

Все эти образы, высосанные из пальца воображения, – повод от неё отречься! Но таковой России и не было! Зато какой всплеск славы Гоголя! Гений, великий, первейший – такие эпитеты сопровождают его до конца жизни.

“У нас слово “Отечество” узнается одновременно со словом “проклятие”... И все жалят Россию. Как бы и куда ей запустить яда... Жалит её еврей, жалит армянин, литовец. Разворачивая челюсти, лезет с насмешкой хохол. И в середине всех, распоясавшись, “сам русский” ступил сапожищем на лицо Матери-Родины” (В. Розанов, “Опавшие листья”). Вот плоды просвещённого масонства, на которое поработал Николай Васильевич Гоголь. Эти “просвещенцы” всегда в тени, но очень умеют использовать нужных им людей. Особенно таких даровитых, как Гоголь.

Давай, Серёжа, вкратце оценим состояние России при Николаевском правлении. К концу сороковых годов Россия окончательно сломила жестоковыйную Польшу, стала главной силой в борьбе с европейскими революциями. Всё это сочеталось с активной политикой на Востоке (Иран и Турция) и, наконец, с изматывающей борьбой по укреплению своих границ на Кавказе.

В 1848 году по просьбе австрийского императора Франца-Иосифа русские войска погасили революцию в Венгрии. За это, конечно, враги России злорадно прозвали Николая I жандармом Европы, но не ослабили этим Россию и её значение в мире. Строго наоборот. Кипела и духовная, и художественная жизнь в России. С одной стороны общественного движения – Белинский, Герцен, Станкевич, Грановский, Бакунин. Выходят “Философические письма” Чадаева, пишут Анненков, Сологуб. С другой стороны – противники западного либерализма: Хомяков, Киреевский, Кошелев, Самарин, Аксаковы, Тютчев – члены славянофильского кружка. Их полемика очень будоражила и будила политическую жизнь России, которая оставалась и крепла землёю монастырей

и приходов – крепости Православной. В середине XIX века, то есть ко времени расцвета Гоголевского творчества в России численность православного духовенства доходила до 60 тысяч человек. Именно тогда объезжал наш земляк, камчатский епископ, а позже – митрополит Московский и Коломенский (местоблюститель Патриарха) весь Дальний Восток. У кормила Церкви стоял Святитель Филарет, высокий государственный и святой жизни подвижник. Их в народе называли духовными губернаторами. Далеко за пределами своих губерний, почитай, по всей русской земле звучали колокола Киево-Печерской и Троице-Сергиевой лавры, Соловецкого монастыря. В стране действовали три духовных академии: Московская, Киевская, Петербургская.

В живописи творили Брюллов, Иванов, Кипренский, Федотов. В музыке – Глинка, Даргомыжский, Алябьев, Варламов, Гурилёв. Издавалось множество литературных и политических изданий. Расширились земледелие и наука, развивалась промышленность, богатела Сибирь. Это что, страна Собакевичей и гнусавых дьячков?! Земля Поприциных и Ноздрёвых?

Она была разною, конечно. У нас в сибирском селе Анга в одно время в двух соседних усадьбах родились святой Иннокентий (Вениаминов) (упомянутый выше), государственный, умудрённый святостью Православия, и безбожник, демократ, известный философ В. Щапов. А в одной купели крестились!

В 1840 году Гоголь заболел! Но об этом уже в другом письме.

Гроза разразилась. Прошла... Всё дышит цветением, юностью. Бегут жёлтые ручьи к Ангаре... Бог даст, скоро увидимся. Ждём тебя на каникулы.

*Твоя любящая крёстная
р. Б. Валентина*

Письмо десятое

Здравствуй, дорогой Серёжа!

С одной стороны, это прекрасно, что на каникулы ты с товарищами пошёл в “палом”, как ты говоришь. Ездили в Дивеево, трудились на Валааме. Понимаю и приветствую твой восторг. Но мне жаль твою маму, которая так надеялась на встречу с тобою, приберегая для тебя милые когда-то твоему сердцу подарки и сладости. Она, конечно, держится и говорит, что паломничество, безусловно, полезней для тебя, чем встреча с нею, но я вижу, как тяжело ей даётся разлука с тобою.

Да, Серёжа, какие-то вещи ты мог бы сам добыть в библиотеках, я уже не говорю о ящике Пандоры, “на который в ближайший век под село наше никудашнее” Богу человечество. Как Бог только нас терпит! Не оправдывайся паломом! Времени у тебя хватает!

Да, Гоголь заболел! По приезде в Вену, на водах, на которые он так надеялся. И вначале воды помогли ему, подняли его работоспособность. Но потом что-то лопнуло внутри его духа. Думаю, это было самое настоящее посещение Господне. Болезнь была и физическая – расстройство желудка. Но главное, он заболел душою. Как мы понимаем, заболел давно, и сия болезнь нависла над его судьбою тяжёлым плодом воспалённого воображения.

На больного напал страх: “К этому присоединилась болезненная тоска, которой нет описания. Я был приведён в такое состояние, что не знал решительно, куда деть себя, к чему прислониться. Ни двух минут я не мог оставаться в покойном положении ни в постели, ни на стуле, ни на ногах. О, это было ужасно, это была та самая тоска, ужасное беспокойство, в каком я видел бедного Вьельгорского в последние минуты его жизни”, – писал Гоголь Погдину о своей болезни.

Думаю, Серёжа, это мёртвые души, Басаврюки и весь сонм нечистых духов, которых он по безоглядности и размахистости своей молодости поселил навеки в русском печатном слове.

Душа, Серёжа, по природе христианка. В ней заложена Божья весть – Евангелие, любой отход от которой чреват тяжёлыми последствиями. Не подумай, Сергей, что я укоряю либо осуждаю писателя. Он был молод и имел слишком громадный и рано проявившийся дар, который вырвался в печать из незрелой души и сразу попал во вражьи ловушки и сети. Таковы были его время обстоятельства, и он выплатил за это всей своей последующей жизнью, но её не хватило, чтобы оплатить долг перед своей землёю...

“Я слышал, что Гоголь во время болезни имел какие-то видения, о которых он тогда же рассказывал ходившему за ним с братской нежностью и

заботою купцу Н. Г. Боткину, который случился на то время в Риме (?)” (Аксаков, “История знакомств”).

“Боткин усадил Гоголя полумёртвого в дилижанс, в (котором) он после двух месяцев выпил чашку бульона. Ехали день и ночь...” (А. О. Смирнова, “Автобиография”).

Болезнь случилась нешуточная. Были ли видения у Гоголя и какого рода, мы уже не узнаем. Но в его сознании наметился чёткий поворот. Он явно почувал дыхание смерти и вместе с нею — близость Господа. Во всяком случае, переписанный набело уже после болезни “Тарас Бульба” коренным образом отличается от эзоповой насмешливости его творений последних лет. “Дело великого поту” сотворил Гоголь. В “Тарасе Бульбе” — его творении — нет надобности философствовать, искать подоплёки, выворачивая наизнанку потаённые и не совсем здоровые тайны психики. Здесь всё здорово, сильно, могуче выписано. Светлой памятью большого и (что немаловажно — русского) писателя вспоминались на страницах эпопеи и навсегда запечатлелись дюжинные запорожцы с проседью в усах и черноусые, которые, засучив шаровары, стояли по колено в воде и стягивали челны крепкими канатами. Вольная Запорожская сечь, свежее русское дыхание, древнее, как мир, насыщенная жизнью живопись.

В первой редакции повести, изданной в сборнике “Миргород”, многого не было, что прозвучало гимном в позднем Гоголе. Сквозь “бешеное разгулье” природного казака пронзительно высвечивает идея христианской Руси и народа русского, которому вверен Господом Царский скипетр Мессии. Эта идея освещает произведение с первых строк.

“А поворотись-ка, сын!”

А поворотитесь вы, сыновья казака Тараса, да покажите службу матери-родине, да Господу Богу. “Почеломкаемся!”

Широко, мощно разворачиваются события повести. Острой крепостью шибает “проверка на прочность” сыновей Тараса. В этом пульсирующем сердце народа впервые слышится государственное сердце автора “Тараса Бульбы”. Сердце любящее, сыновье...

“Хочется мне сказать вам, панове, — я не полениюсь переписать тебе это место, Сергей, потому что ты поленишься найти и прочесть его в книге. — ...Вы слышали от отцов и дедов, в какой чести у всех была земля наша, и грекам дала знать себя, и с Царьграда брала червонцы, и города были пышные, и храмы, и князья, князья русского рода, свои князья, а не католические недоверки. Всё взяли басурманы, всё пропало! Только остались мы сирые, как вдовица после крепкого мужа сирая, так же как и мы, земля наша. . . Нет, братцы, так любить, как русская душа, любить не то чтобы умом или чем-то другим, а всем, чем дал Бог, что ни есть в тебе, а... Нет, так любить никто не может”.

На каждой странице, в каждой строке повести — живая кровь трагедии народа, гибель семьи, высокая и не выдуманная философия предательства и верности. Могучею Атлантидою всплывает в творчестве Гоголя русская земля! “Постойте же, придёт время, будет время, узнаете вы, что такое православная русская вера. Уж и теперь чувят дальние и близкие народы: подымается из русской земли свой царь, и не будет в мире силы, которая бы не покорилась ему... Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!”

В “Тарасе Бульбе” заговорил пророк, тот, на которого изначально претендовал Гоголь. По эпической красоте, мощи, родственности с духовной матрицей своего народа Гоголю как автору “Тараса Бульбы” не было равных. Да и сейчас с ним мало кто сравнится...

“Великую ошибку делает тот, кто смешает Гоголя последнего периода с тем, который начинал тогда жизнь в Петербурге, и вздумает прилагать к молодому Гоголю нравственные черты, выработанные гораздо позднее, уже тогда, как совершился важный поворот в его жизни”, — пишет уже известный тебе П. Анненков.

Да, Гоголь изменился разительно. Но не все сразу это поняли. Ещё не утих хор похвал и восклицаний по поводу “Мёртвых душ”, и Гомер, и Данте — имена, которыми награждали его современники с лёгкой руки Белинского, — и дамские салоны жаждали с ним знакомств, но Гоголь уже становился иным.

В сороковом году, сразу после болезни он писал Н. Д. Белозерскому: “Я же больше теперь гожусь для монастыря, чем для жизни светской”. В 1842 году он признаётся Н. Языкову: “Мне нужно уединение... Я не рождён для жизни светской... для тревожных, и чувствую с каждым днём и часом,

что нет выше удела на свете, как удел монаха”. Гоголь и за границей читает теперь только святоотеческую литературу: Тихона Задонского, Димитрия Ростовского, Добротолюбие... Делает из них выписки. Список его чтения внушительен и полностью исключает бульварные романы, ходившие тогда по Европе. Он (я повторюсь) так и не узнал России воочию, но приблизился к ней духовно. Он взглянул на неё не через Гегеля и Шиллера, а через творения Иоанна Златоуста, Василия Великого, Ефрема Сирина.

В 1845 году Гоголь, по его же слову, жил внутренне, как в монастыре, и не пропустил ни одной церковной службы. “Был сподобен, — пишет он А. О. Смирновой, — вкусить небесные и сладкие минуты”.

В Париже, изучая чинопоследование Божественной Литургии Иоанна Златоуста, он приступает к работе над книгой о Божественной Литургии. Эта книга останется незаконченной и увидит свет только после его смерти.

В 1846 году после второго приступа болезни, случившейся в Висбадене, Гоголь приступает к своим знаменитым “Выбранным местам из переписки с друзьями”. Зерно книги посеяно было ещё ранее, в 1844 году, в “Правиле жития в мире”. Книга эта, как ты помнишь, о необходимости внутреннего переустройства каждого мирянина. Он переустроился сам и учил переустройству других.

Все эти годы ему жадно не хватало России. Он без конца просил у своих многочисленных корреспондентов сведений о ней. Но если ранее он просил анекдотов о России, смешных или порочащих её случаев, то сейчас он ищет света в России. В своих “Выбранных местах...” Гоголь — пророк и Учитель. Он учит светскую женщину жить, поучает правильно болеть, даёт многочисленные советы, что раздражает его близких и друзей. Но чего уж точно они не прощают ему — это христианский и прорусский взгляд на Россию и её жизнь.

Белинский тут же впал в бешенство. “Да, я любил вас со всею страстью, какую человек, кровно связанный со своей страной, может любить её надежду, славу, на пути... развития прогресса”. Он справедливо замечает Гоголю, что тот привык смотреть на Россию “из своего прекрасного далека”. Но собственный взгляд Белинского на Россию столь же искажён, как и взгляд молодого Гоголя на неё.

“Поборник кнута, апостол невежества, поборник обскуратизма и мракобесия, панегирист татарских нравов — что вы делаете? ... не есть ли поп на Руси для всех русских... дурья порода, полуханы, жеребцы? ... Представители обжорства, скупости, низкопоклонничества, бесстыдства. По-вашему, русский народ — самый религиозный в мире? Ложь! ... русский человек произносит имя Божие, почесывая себе задницу. Он говорит об образе: годится — молиться, не годится — горшки покрывать... Религиозность не привилась в нём даже и духовенству... Большинство нашего духовенства всегда отличалось толстыми брюхами, теологическим педантизмом да диким невежеством...” Письмо Белинского Гоголю 1847 года из Зальцбрунна.

Это страстное письмо громадно по объёму и брызжет ядовитой слюной на Православие и духовенство. Мы с тобой уже говорили, Серёжа, что основные силы масонства направлены на борьбу с православным духовенством и замену святоотеческого мировоззрения на пантеизм. Из масонских лож вышла идея о больном обществе и невежественном народе, которых нужно лечить и просвещать. Образчик таковой идеологии чёткой печатью скрепляет всё болезненно-злое письмо Белинского.

Но не только Белинский ополчился на книгу переписки Гоголя. Даже самые близкие его друзья. “... Вы искренно подумали, что призвание ваше состоит в возвещении людям высоких нравственных истин в форме рассуждений и поучений, которых образец содержится в вашей книге... Вы грубо и жалко ошиблись. Вы совершенно сбились, запутались, противоречите себе беспрепятственно и, думая служить небу и человечеству, оскорбляете и Бога, и человека”, — пишет С. Т. Аксаков Гоголю по выходе книги.

“Ты избалован был всею Россиею: поднося тебе славу, она питала в тебе твоё самолюбие. В книге оно выразилось колоссально, иногда чудовищно. Самолюбие никогда не бывает так чудовищно, как в соединении с верою. В вере оно уродство” (С. Г. Шевырёв — Гоголю. 1847).

Но не только друзья и враги не приняли книгу. Столпы Православия отзывались сдержанно и критически. “... Она издаёт из себя свет и тьму”, — отзывался о книге переписки с друзьями святитель (в ту пору архимандрит, настоятель Троице-Сергиевой пустыни) Игнатий (Брянчанинов). “Религиозные его (Гоголя) понятия неопределённые, движутся по направлению сердечного вдохновения, неясного, безотчётливого, душевного, а не духовного”.

Архиепископ Иннокентий, которому Гоголь послал авторский экземпляр, высказал своё мнение в письме к Погодину: "...Радуюсь перемене с ним, только прошу не пародировать набожность. Она любит внутреннюю клятву... Если он будет неумерен, то поднимут на смех, и пользы не будет".

Гоголя после выхода в свет книги подняли-таки на смех, который он усердно стяжал на протяжении всей своей доповоротной жизни. Гоголь был огорчён. Очень огорчён! Раздражения окружающих он не ожидал. Оптинский старец Макарий писал по поводу его книги: "Виден человек, обратившийся к Богу с горячностью сердца. Но для религии этого мало. Чтобы она была истинным светом для человека, собственно, и чтобы издавала из него неподдельный свет для ближних его, необходима и нужна в ней определительность. Определительность сия заключается в таком познании истины, в отделении её от всего ложного, от всего кажущегося истинным. Посему желающий стяжать определительность глубоко вникает в Евангелие по учению Господа... Если человек будет руководить прежде очищения... своим вдохновением, то будет издавать из себя свет, но смешанный, обманчивый, потому что в сердце его лежит не простое добро, но добро, смешанное со злом..."

Напомню, Серёжа, что книги Гоголя "Размышления о Божественной Литургии", "Выбранные места...", "Авторская исповедь" вышли в свет в Советской России только по её окончательном закате. Они пользовались спросом очень недолго и только у невоцерковлённой, мало что мыслящей в духовных вопросах интеллигенции. Но она интересовалась ими, она жаждала Церкви. По мере воцерковления многие забыли о Гоголе, потому что вкусили истинного хлеба Божественной Литургии и святоотеческого Предания. Другие же, по Евангелиевой притче о сеятеле, полюбопытствовав, совсем отошли от Церкви, и Гоголь стал им вообще не нужен. Такова, думается, судьба книги. Она ступенька вниз, и не для всех. В основном для интеллигентствующих умников. И то ненадолго...

В 1847 году Государь император Николай I приказал министру иностранных дел снабдить Гоголя беспрошленным паспортом на полтора года для свободного путешествия к святым местам... Гоголь направляется ко Гробу Господню. Жить ему оставалось пять лет. Но об этом – в следующем письме.

Как ты вырос, должно быть, Сергей! И загорел за лето! Видимо, придётся нам с мамой двинуться к тебе.

*Твоя крёстная р. Б. (недостойная)
Валентина*

Письмо одиннадцатое

Дорогой мой мальчик! Так и стоит твоё лицо перед моими глазами. Ты, конечно, возмужал, переменялся. Взгляд стал твёрже и осознаннее. Особенно когда ты взглядывал на свою красавицу-клирошанку с русской косою, которая вспыхивала под твоим взглядом таким густым румянцем, что хоть лампаду от её щёк зажигай. Славная девочка, она будет доброй женой своему избраннику. Мать твоя счастлива, я же молюсь о том, чтобы воля Господа присутствовала в выборе твоей судьбы. А всё же Валаам прекрасен! И храмы, и древние стены монастыря, и северное жемчужное море! Нет, ты был много мудрее нас, поехав на Валаам, а мы за тобою. Не то просидели бы мы в Иркутске! Дело к осени. Жизнь всё спокойнее, воздух прозрачнее. В храмах уже включают отопление.

Гоголь Николай Васильевич, в отличие от тебя и своих родителей, глубокое чувство к женщине испытал поздно. Ему было уже сорок лет. Поворот к России, её Творцу уже случился в его сознании. Краеугольные вещи написаны. Всю свою жизнь почти, однажды выехав из Васильевки в Петербург, Гоголь так и провёл в дилижансах. Мы уже говорили о его предпочтении жить за границей, по чужим виллам, домам и дачам, у очень состоятельных и знатных друзей. Да и в России он не знал своего дома. Трагедия его в отсутствии собственного дома на земле. Да и его роман с Анной Михайловной Вьельгорской (эту фамилию в нескольких источниках пишут по-разному: и Вьель... и Виль... и Вель...) был подобием романа. Собственно, это была естественная жажда и мечта о романе и женщине всей его жизни. Болезни и нервозное состояние его существа уже тянули к тихой гавани и успокоению, которое могла дать ему только семья. Анна Михайловна была младшей избалованной дочерью знатного семейства. Некрасивая, воспитанная на романтике немецких и французских романов, она всё же могла составить ему семью и счастье.

Гоголя в семье считали своим человеком и настолько безопасным и не годящимся в партию мужа, что отпустили девицу гулять с ним одну. На этих прогулках и завязалось что-то подобное чувству. Подобие – потому что Гоголь был абсолютно (по моему мнению) неспособен любить. Он был способен выдумывать даже чувство, у него была поздняя тяга к дому и родине, но не способность созидать и любить. Говорить он мог о чём угодно: много, пространно, возвышенно... Анну Михайловну по-домашнему звали Нози. Их роман был в намёках, лёгком кокетстве Нози, бесконечных поучениях Гоголя и бурной переписке. В эти годы Гоголь прибывался к России, жил то в Одессе, то в Киеве, упивался провинциальной славой, почестями, обедами в его честь. Много писал писем. Мечтал о Нози.

“Нервическое ли это расположение или истинное чувство, я сам не могу решить”, – писал он тогда сестре Нози Софье Сологуб. Он уже пишет второй том “Мёртвых душ” и ищет пути к руке Анны Михайловны. Думаю, что неосознанный, а может, и хорошо осознанный расчёт в помыслах об этом браке и присутствовал у Гоголя. Известно, что он очень умел приспособить выгоду к своим целям.

Я хотела бы, Серёжа, чтобы ты сам прочитал переписку его с Нози, дабы понять, что то, исполненное Гоголевских софизмов и поучений, славословие мало похоже на объяснение в истинном чувстве.

Во всяком случае, знакомство в 1847 году с протоиереем из Ржева, отцом Матвеем Константиновым имело на Гоголя гораздо большее и поворотное влияние. Многие пишут о губительности этого влияния. В частности, о. Матвея называет изувером и фанатиком известный писатель Вересаев, составивший по переписке Гоголя весьма необъективную его биографию. Думаю, о. Матвей был послан Гоголю как человек убеждённой трезвой веры и здорового взгляда на Россию и её народ.

Этот год был тяжёлым для Гоголя. Книги его публицистики и духовные не приняты ни среди врагов, ни среди друзей. “Отношения мои стали слишком тяжелы со всеми теми друзьями, которые поторопились подружиться со мною, не узнавши меня”, – писал он из Франкфурта Аксакову. Да, пока он писал о неумытом рыле России, пока он заселял беспредельное духовное пространство России Ноздрёвыми и Собакевичами, он был принят в лучших домах и знатных семействах Петербурга, вплоть до царственной особы. Но когда же он заговорил о любви к России, о её предназначении и духовности, поднялись вопли: Гоголь исписался! Гоголь сумасшедший. Вот когда он писал “Записки сумасшедшего”, доморощенные философы искали в сходящем в душевный мрак Поприщине русское поприще и протестную подоплёку. Когда он расписывал дрожащего Акакия Акакиевича из “Шинели”, низеньких чиновничков с потными зальсинами, генералов с золотыми пуговицами, носы в генеральских мундирах (с той подоплёкой, что любой нос может заменить в Петербурге русского генерала), всех этих Хлестаковых, Ковалевых, Собачкиных – он гений!

Но когда же он сделал пусть робкую, туманную, в своём романтическом духе, попытку повернуться реально к земле своего народа, его тут же объявили душевнобольным. Конечно, непомерная гордыня сквозит уже в Завещании Гоголя, когда он просит не ставить ему лишних памятников по смерти, а всем начинать исправление себя.

В январе 1848 года из Неаполя Гоголь двинулся по святым местам. Путь его лежал в Иерусалим, где он говел и причащался у Гроба Господня. Целую ночь он провёл у Гроба Спасителя, и был благословлен маленькой частью гроба Митрополитом Петрасом Мелетием “ради усердия, которое показывал”. “Что он чувствовал у гробницы Спасителя, осталось тайной для всех. Он мне не советовал ехать в Палестину, потому что комфорта совсем нет”, – писала в своей “Автобиографии” Смирнова.

“Где-то в Самарии сорвал полевой цветок, где-то в Галилее – другой, в Назарете, застигнутый дождём, просидел два дня, позабыв, что сижу в Назарете, точно как бы это случилось в России на станции”, – вот так описал сам Гоголь свои впечатления от путешествия по святым местам Жуковскому.

Сердце его ещё не раскрылось родному зову. Ему была нужна властная рука посланца – о. Матвея Александровича Константинова. Странно, что все ранние и позднейшие исследователи Гоголя табуировали реальную личность его духовника, забрасывая о. Матвея только негативными эпитетами. “Что вам сказать о нём? – пишет сам Гоголь графу А. П. Толстому, в доме которого он и закончил свои дни. – По-моему, это умнейший человек из всех, каких

я доселе знал, и если я спасусь, так это верно вследствие его наставлений, если только, нося их пред собой, буду входить больше в их силу”.

Думаю, что сама зацепившаяся за погибель в первых своих творениях душа Гоголя почуяла этот плотик спасения, брошенный ему Господом в самую пучину русофобских жизненных волн.

В последние годы своей жизни Гоголь много и глубоко болеет. Большой частью душевно. Предполагаю, что в русскую Православную Церковь его привёл о. Матвей. С ним он и познал позднюю радость воцерковления.

Душевное состояние Гоголя, конечно же, рикошетило и на физическое, и без того слабое, здоровье его, но всё же, Серёжа, многие сомнения охватывают всякого, кто попытается изучить историю его болезни. Да, он много ездил, писал... Он был ухожен, много и заботливо лечился. Физически не был изношен. Диагноза не присутствует нигде, даже перед самой его смертью.

Гоголь последних предсмертных лет внешне вёл обыкновенный образ жизни. То есть проживал в богатых домах знатных семейств.

Две мои приметы о нём хочу подчеркнуть тебе, Сергей. Первое (я уже писала об этом тебе) – это отсутствие дома в жизни Гоголя и отсутствие всякого желания его иметь. И другой, не менее печальный факт, – это строгая избирательность в общении. Только высокопоставленные лица, знатные семейства. Круг придворной аристократии. К прочим он относился без всяких церемоний. Известен случай в киевском университете, например, когда ему была представлена вся профессура, благоговейная перед ним. После приглашения его на застолье Гоголь скривил откровенно брезгливую гримаску и скрылся, не прощаясь.

Перед смертью у него исчезла и потребность в родственных связях: сестры его и мать жаловались на полное равнодушие Николеньки к ним и нуждам матери. Всё это признаки фарисейства, неизменно сопровождающие всякую неочищенную душу. На эту его двойственность указали и Оптиные старцы, когда Гоголь наконец-то посетил Оптину пустынь.

“Через Ив. Вас. Киреевского Гоголь узнал, что в Оптиной пустыни, в скиту, живёт знаменитый отшельник и молчальник. Гоголь его так измучил своей нерешительностью, что старец грозил отказать его принимать”, – пишет А. О. Смирнова в своей “Автобиографии”.

В сводном тексте материалов биографии Гоголя есть свидетельство о том, что он быстро покинул Пустынь, оттого что почувствовал себя там дурно, расхворался и нехорошо со всеми простился. Вернулся он оттуда смущенный и невеселый. Всё-таки писать о христианстве цветисто и возвышенно – одно, а жить по-христиански – совсем другое!

Трагедия раздвоенности, той глубинной тайны, которую он носил в своём сердце, сопровождала его жизнь и творчество. С одной стороны, громадный природный дар народного писателя. С другой – он жаловался, что слишком мало знает Россию. “Я нахожусь в затруднительном положении, – рассуждал он, – чтобы лучше узнать Россию и русский народ, мне необходимо было бы путешествовать, а между тем уже некогда, мне около сорока лет, а время нужно, чтобы писать”.

Давай уж, мой мальчик, приступим к последним временам его жизни. На дворе у Гоголя 1851 год. Ему отказано в руке Анны Михайловны Вьельгорской. Второй том “Мёртвых душ” не имеет такой известности, как первый. При чтении отрывков из этого сочинения друзья смущённо молчат, не высказывая восторга. Он уже пережил полное непонимание своей духовной прозы, встретил о. Матвея, ржевского протоиерея, и болезненно воцерковился. Перед нами совсем другой Гоголь. Гоголь перед вечностью. Но это уже будет другое письмо.

Скоро будем копать картошку. Как я люблю эту пору! Жаль, что тебя не будет с нами. Напекли бы её в кострище. Поди забыл, какая она бывает вкусная на живой природе.

Жду письма.

*Любящая тебя, твоя “Кока”
р. Б. Валентина*

Письмо двенадцатое

Сегодня выпал первый снег, Серёжа. Выпал и растаял. По утреннику замёрзли все цветы. А травка зелёная – ничего, отошла, и к обеду – как умытая стоит.

Гоголь не замечал травы. Он любил яркие цветы, крупные, южные... Любил солнце, бархатные южные ночи. Он часто мёрз, особенно в Петербурге. Конечно, ты заметил, что это признак вегетососудистой дистонии. Но он ведь был южанин по рождению, во-первых... Во-вторых, это может быть знаком неправильного лечения, особенно на Западе, коим он увлекался.

К концу жизни Гоголь много страдал. Он страдал духовно, потому что переход в Православие давался ему болезненно и с трудом. Отец Матвей Константинов звал его "Мой колеблющийся брат". Ему с трудом давался пост. Личный врач его Тарасенков вспоминал: "Нередко я начинал есть постное по постам, — говорил он мне, — но никогда не выдерживал... всегда чувствовал себя дурно и убеждался, что мне нужна пища питательная". Страдал душевно, потому что Вьельгорские оставили его, почти оскорбительным для себя его неуместное сватовство к их дочери. Оставили многие друзья за духовные его творения. А главное, он впервые после неумеренных похвал испытал на себе критику "Переписки...". Страдал он и физически.

"Гоголь был не прежний Гоголь, а больной человек, изнурённый постоянными болезнями, цвет лица был землистый, пальцы опухли, вследствие тяжких продолжительных страданий художественный талант его угасал... Старость надвигалась, силы ослабли, а особенно сильно преследовал его страх смерти..." (Протоиерей Ф. Образцов)

Гоголю был тогда сорок один год!

Врачи начали сопровождать его очень рано. В предсмертные годы известное светило медицины Иноземцев, друг и сокурсник Пирогова по Московскому университету, масон. Кроме того, Эвениус, того же Московско-университетского разлива, и Тарасенков, чьи рекомендации трудно назвать оздоровительными.

Последний год Гоголь проводил в молитве. "Он вставал в пять. Сам умывался, одевался без помощи человека, шёл прямо в сад с молитвенником в руках... Предлагая часто Четы-Минеи. Но я страдала тогда расстройством нервов и не могла читать подобного. Каждый день читал житие святого на этот день". А. О. Смирнова.

Осенью 1851 года Гоголь жил у графа А. П. Толстого на Никитском бульваре и готовил второй том "Мёртвых душ". Семья эта, Сергей, была достаточно религиозной и отличалась от подавляющей массы знатных семейств Петербурга. Особо от Вьельгорских.

А. П. Толстого звали в Петербурге святым человеком, он был близок к Оптиным старцам! В свете поговаривали, что граф тайно носил вериги. Со своей супругой, дочерью грузинского князя, Толстые жили как брат с сестрой, что не мешало им любить и заботиться друг о друге. С этим благочестивым семейством Гоголя свёл о. Матвей, ставший единственным и настоящим его духовником. Во флигеле усадьбы Толстых, который был отведён только для Гоголя, всё было создано для его работы и молитвы. Его часто видели за рабочим столом, бывало, что читал он окружающим отрывки или главы второго тома "Мёртвых душ". Посещал театр, где шли его "Женитьба" и "Ревизор"...

Но в феврале 1852 года умерла Хомякова — сестра Языкова. Она была беременна, и её смерть настолько поразила Гоголя, что он увидел в ней и предзнаменование своей смерти. Со дня похорон Хомяковой он начал готовиться к собственной кончине.

Конечно, легко это сказать. Всё-таки мужчина в 42 года в расцвете славы и незаконченных писаний, ещё не изведавший семейного покоя, без смертельного диагноза, поставленного ему врачами, не допустит и мысли об этом. Видимо, чуткий до суеверия Гоголь прочёл знак судьбы, открывшийся ему до времени.

"В понедельник на Масленице (4 февраля) приехал он ко мне вечером сказать, что некогда ему теперь заниматься корректурами... решил попроститься и поговорить. Я спросил его: "Зачем на Масленой?" Так случилось, говорит он. — Ведь теперь и Церковь читает уже "Господи, Владыко живота моего". С. П. Шевырёв.

Отец Матфей был духовником очень строгих правил, которых неукоснительно придерживался сам. Он требовал, чтобы перед кончиной Гоголь отрёкся от Пушкина. "Отрекись от Пушкина, — требовал он. — Он был грешник и язычник" (Протоиерей Ф. И. Образцов). Судя по свидетельству о. Матфея, Гоголь с трудом согласился на это...

Хочу заметить тебе, мой крестник, что таковое во время нашего поэта было распространённым в строгой Православной среде.

“Масленую неделю предсмертья Гоголь посвятил говению... несмотря на ослабление тела, продолжал поститься и проводить ночи на молитве”. Шенрок, Тарасенков.

“В четверг явился Гоголь в церковь (Саввы Освященного на Девичьем поле) ещё до заутрени и исповедовался. Перед принятием Св. Даров за обеднею пал ниц и много плакал. Был уже слаб и почти шатался... Вечером он опять приехал к священнику и просил его отслужить поутру”. М. П. Погодин.

“В понедельник и вторник первой недели Поста наверху у графа была всенощная; Гоголь едва мог дойти туда, остановился на ступенях, присаживался на стуле, однако стоял всю всенощную и молился. День оставался почти без пищи, ночи проводил в молитве перед образами, в тёплой молитве со слезами”. Тарасенков, Шенрок.

Вот тебе свидетельства современников о последних днях его жизни. Основу их, конечно, составляют наблюдения врача Тарасенкова, популярного в своё время в Москве доктора. Его медицинские отчёты (которые потом полностью привёл в своих материалах о Гоголе исследователь его жизни Шенрок) больше похожи на опыты и наблюдения экспериментатора над подопытным.

Во всяком случае ни диагноза, ни хотя бы приблизительного лечения не производилось. А если учесть, что к больному почти никто не допускался (якобы по просьбе самого больного), то всё это наводит на очень печальные мысли.

И наконец, мы подходим к главному событию его жизни. “Ночью во вторник (с 11-го на 12 февраля) он долго молился в своей комнате. В три часа призвал своего мальчика... и пошёл со свечой в руках, крестясь во всякой комнате, к которой проходил. Пришед, велел открыть трубу, как можно тише, чтобы не разбудить никого, и потом подать из шкафа портфель. Когда портфель был принесён, он вынул оттуда связку тетрадей, перевязанных тесёмкой, положил её в печь и зажгёт свечой из своих рук. Мальчик, догадавшись, упал перед ним на колени и сказал: “Барин? Что это вы? Перестаньте!” — “Не твоё дело, — ответил он. — Молись!”... Он вынул связку из печи, развязал тесёмку, уложил листы так, чтобы легче было приняться огню, зажгёт опять и сел на стуле перед огнём, ожидая пока всё сгорит и истлеет. Тогда он, перекрестясь, воротился в прежнюю свою комнату, поцеловал мальчика, лёг на диван и заплакал”. М. Г. Погодин “Москвитянин”. 1852.

Был ли этот поступок опрометчивым, Сергей, крестник мой? “Религиозным иступлением” или “аффективным приступом циркулярного психоза” как назвал этот поступок известный психиатр Д. Е. Мелехов в своей работе “Психиатрия и проблемы духовной жизни”.

Что тут скажешь?! После Ломброзо наши психиатры от истории и литературы принялись диагностировать (очень избирательно) многих известных, особо послуживших Отечеству личностей. Гоголь избежал диагноза при жизни, зато его “припечатали” им сто лет спустя. Конечно, в личности Гоголя, его жизни и творчестве много симптомов для психиатрических диагнозов. Его болезнь, первый приступ которой он перенёс в 1840 году, с её “болезненной тоской, которой нет основания”, “как смертный ужас” психиатр назвал “бредом греховности самоуничтожения”. Мне кажется, такой взгляд на духовную жизнь человека, а особенно имеющего влияние на целые народы в продолжительных веках, преступным. Можно, конечно, описать тернистый путь художника как приступообразную шизофрению или маниакально-депрессивный психоз. Это будет равно вскрытию и описанию трупа без всякого понимания, почему, как и зачем жило когда-то это тело. Таким вот образом заменяется всякая духовная борьба психиатрическими болезнями, и весь многовековой опыт борьбы с самим собой, а затем и с убийцами рода человеческого — Сатаной и нечистой силою, начиная с пустынников, отшельников, великих подвижников, да и просто благочестивых христиан объявляется патологией и психопатией. Явления и откровения можно объявить маниакальным бредом, так же как весь духовный опыт святоотеческого предания относительно явлений галлюцинаций в психиатрии.

Наше старчество очень хорошо разбирается, от кого происходят подобные явления. И отчего. Оно понимало состояние прелести, и вражеских нападок, и истинно Божьих указаний и знаков.

Обнажённая душа художника, конечно, более подвержена метаниям и неустойчива по сравнению с нормальным человеком. Но таковы законы творчества. Слово — огненная энергия. Она подымает народы, но и разрушает. Она и “древо жизни”, и “сокрушение Духа”.

То состояние, которое испытал Гоголь в марте 1840 года в Вене — это состояние (по моему мнению) души, вставшей на неверный путь. Мы с тобой,

Сергей, уже разбирали начало его творчества. Это и опрометчивая, от молодости, безудержность, с которой он заигрался, языческие верования в нечистые силы, которые подымал он из самой бездны нашего национального сознания, давно изжитые. "...Религия наша, как и католическая, совершенно одно и то же, и потому совершенно нет надобности переменить одну на другую. Та и другая истинна..." То есть полная слепота в самых корневых различиях двух религий и народов, их исповедующих. Отчего происходили и происходят самые кровавые войны на земле. Кстати, прокатолические пристрастия преследовали Гоголя до самого конца его жизни – всё это привело его к попушению Божию: Ангелы отступили, и враг напал на его душу.

Подобные страшные помрачения испытывали и другие художники. Например, Лев Толстой. В августе 1869 года сорокадвухлетний писатель Толстой отправился в Пензенскую губернию, где продавалось выгодное имение. В ту пору Лев Николаевич всецело был поглощён интересами семьи, но революционные мотивы, отрицание Алтаря и Престола уже смертным холодком обдавали его действия и творчество. Он ночевал в Арзамасе, и там его постигло ужасное потрясение. "Мучительнее чувства я никогда не испытывал, и не дай Бог никому испытать" (письмо к жене). "Мне так страшно было, – описывает он это чувство. – Чего я тоскую, чего боюсь?" "Меня – неслышно отвечает голос смерти. – Я тут". Мороз продрал меня по коже". Один в один страх смерти, что испытал и Гоголь впервые в Вене в 1840 году.

Я думаю, что многие великие художники слова, музыки и живописи испытывали в жизни подобные чувства. Могу назвать ещё Писемского, Левитана, Врубеля, Рябушкина... Думаю, что поживи Лермонтов подольше, он не избежал бы духовной трагедии...

Подмена духовного опыта Гоголя психическим заболеванием для меня лично неприемлема.

Мелехов сам пишет об отсутствии истории болезни и врачебного её описания как психиатрической, так и болезней тела. Конечно, можно диагностировать страдания художника аффективно-бредовым психозом, и не только у Гоголя, перечеркнув тем самым надобность в художественном восприятии жизни нации, да и всего человечества. И подменив (повторюсь) опыт духовной борьбы с врагом рода человеческого психиатрическими заболеваниями.

Когда-то, на заре христианства, древнее старчество в посты уходило молиться в пустыню, где на него нападали эти враги (подробно об этом описано в Житии Марии Египетской, которое Церковь святая читает на пятой неделе Великого Поста). Их духовный опыт побед и падений указал человечеству путь к Спасению. Единственный путь! Эту духовную борьбу тоже можно со всей рациональностью нынешнего нашего сознания (полумёртвого) описать маниакально-религиозным психозом...

Мелехов Д. Е. (при всём моём уважении к нему) не первый связал вопросы психиатрии с проблемами духовной жизни. До него гораздо глубже и обстоятельнее связь греховности, падений души и в итоге её заболеваний описал в своём труде "Основы искусства святости" епископ Варнава (Беляев). Писали об этом и покойный бывший глава зарубежной Церкви, митрополит Виталий, и монах и философ Андроник (Лосев), да и многие другие.

Читая же Мелехова, понимаешь, что диагноз ставит невоцерковлённый человек, теплохладный к вере, как и Гоголь в начале своего духовного пути. Что называется, интересующийся. Он пишет о смерти Гоголя как бы во время одного из самых тяжёлых аффективных бредовых приступов, при которых бедная душа, как гонимая ("Яко погнал враг душу мою". Псалтырь), не даёт человеку ни минуты покоя, и он мечется. Гоголь же выстаивал все длинные (пятчасовые) службы Великого Поста, потом стоял ночами на молитве. Моллился глубоко, искренно перед смертью, с земными постовыми поклонами, несмотря на физическую немощь тела. Депрессивное состояние не способно на такие подвиги. Вспомни, Серёжа, А. Смирнову, которая в "нервном расстройстве" не могла выдержать даже домашней читки "Четы-Миней". В работе Мелехова, как и в других неправославных источниках "друзей" Гоголя и его биографов, обвиняется о. Матфей.

Я прошу тебя, Серёжа, зная твою неуёмную пытливость, не увлекайся ты этими работами по психиатрии и психологии. Увлекут – не выберешься. Сейчас психологи – пруд пруди. Они заменяют многим духовников. Но ты знаешь, что духовники ставят иные диагнозы и другим языком. Во всяком случае, они влекут вверх, к Господу Богу, напоминая о вечности. Вся эта психиатрическая армия в лучшем случае оставляет душу на земле либо снижает её местопребывание в адовы круги, якобы отвлекая её от болезни.

Как бы ни было руководство о. Матвея прямолинейным (и на взгляд Мелехова неумелым), оно было спасительным. Гоголь и в жизни был очень расчётливым, и перед смертью душа Гоголя расчётливо и точно ухватилась за спасительный плотик о. Матвея...

Вернёмся же на узкий и тернистый путь – к последним, исполненным титанического труда и духовной борьбы дням Гоголя.

Но в другом письме. Почеломкаемся, мой друг, как в старину говаривали! Тороплюсь на службу.

*Твоя крёстная
Валентина*

Письмо тринадцатое

Опять зима, мой мальчик, а мы все ещё с Гоголем...

Везде белый снег, и особенно вкусно пахнет по эту пору вымерзающая поленница. Топим печи на даче, глядим на огонь. Снег скрипит, особенно вечером... Шаги – как музыка... А мы всё с Гоголем...

После уничтожения рукописей второго тома "Мёртвых душ" мысли о смерти не оставляли его ни на минуту.

"С этой несчастной ночи он сделался ещё слабее, ещё мрачнее прежде: не выходил больше из своей комнаты, не изъявлял желанья видеть никого. Сидел в креслах по целым дням в халате, протянув ноги на другой стул... По ответам его видно было, что он в полной памяти, но разговаривать не желает". Наблюдения его лечащего врача Тарасенкова холодны и безотносительны. Нет ни малейшего намёка на лечение болезни, ни какого-нибудь желанья её лечить. "Иногда по вечерам дремал в креслах, а ночи проводил в бдении на молитве, иногда жаловался на то, что у него горит голова и руки зябнут, один раз имел небольшое кровотечение из носа, мочу имел густую тёмно окрашенную, испражнения на низ не было всю неделю. Прежде сего, за год он имел течения из уха как бы от какой-то вещи, туда запавшей, других болезней в нём не было замечено. Сношений с женщинами он давно не имел и не чувствовал в том потребности, и никогда не ощущал от этого особого удовольствия; онаний также не был подвержен". Тарасенков.

Как эти хладнокровные записи врача похожи на наблюдения за подопытным объектом, на котором испытывается новое лекарство либо яд...

Болезней нет! Диагнозов психических прижизненных нет. А от депрессий не умирают! От депрессии теряют работоспособность, чего не скажешь о Гоголе. Писать он жаждал до последних дней. И в предсмертную пору стремление к Богу и молитве у него только усиливалось. Записи его даже на клочках бумаги были выдержками из творений святых либо Евангелия. Трудно назвать то высокорелигиозное состояние последних дней Гоголя депрессией. Отказ от пищи, на который как на симптом указывает Мелехов, обычное явление в святоотеческой аскезе. Всё Священное Писание заполнено выдержками о постах многодневных и строгих. Только после усиленного поста и молитвы пророки и святые беседовали с небожителями и им открывалось сокровенное. В народе говорят: "Сытое брюхо к молитве глухо".

Ты спрашиваешь, Сергей, почему тёмные состояния и приступы одержимости не повторялись, допустим, у Пушкина или Толстого, а преследовали именно Гоголя. Думаю, просто потому, что вышеназванные художники любили женщин. Особенно Пушкин. И греховно, и в семье. У них были семьи, у них рождались дети, было на что тратить свою душевную энергию. Семья требует много забот, и времени на себя остаётся мало. Они ведь ещё и писали! И много писали. Толстой в своей усадьбе любил работать физически.

Гоголь же не связал свою жизнь с семейными обязательствами. Своего дома он не имел, а значит, не знал забот о нём. Время нужды в молодости было очень коротким. Физически он не работал никогда. Я иногда думаю, что пропаши Гоголь хоть одну борозду на пашне, вряд ли он стал бы писать Хлестакова. Недаром он признавал в себе Хлестакова. Прокатал жизнь по Европе. И предсмертные страдания, может, были попущены ему как малое искупление его беззаботной, вхолостую перемолотой (только на себя, и только о себе и своих творениях) духовной энергии...

В середине Поста Гоголь отказался видеть своего медицинского наблюдателя. Может, что-то заподозрил и прозрел. Скорее всего, он ему стал не надобен. Гоголь готовился к близкой смерти. Все плотские страдания ему казались естественными. Он жаждал покоя, одиночества и молитвы. В четверг

Великого Поста (чистой первой недели) сказал: “Надо меня оставить! Я знаю, что должен умереть”.

Видимо, ему были явлены откровения, подвигавшие его к приуготовлениям к смерти, уже им видимой. Но с ума Гоголь не сошёл, как утверждают наши психиатры. Наоборот, все его действия глубоко осознанны. Одна из последних его записей, написанных на клочке бумаги красивым и твёрдым почерком, ровным, как и его психика в тот момент, гласит: “Как поступить, чтобы признательно, благодарно и вечно помнить в сердце моём полученный урок?” Эта запись, Сергей, говорит сама за себя! И говорит о сокровенном уроке, преподанном Гоголю Промыслом Божиим. Бытовало, особенно в советские времена, мнение, будто бы Гоголь заморил себя и умер с голоду. Чуть несусветная! Гоголь не голодал. Он ограничивал себя в пище, что было полезно не только духу его, но и организму. Православные подвижники постились по сорок дней, не принимая ничего, кроме просфоры с водой святой. Народ по постам постился гораздо строже Гоголя. А работал физически, как атлант, да и про святую Церковь не забывал. Человечество последнего века — это зажавшееся человечество, Сергей. А потому глухое к небесам. Поставив во главу угла брюхо вместо души и Духа, человек сам себя низводит до скотского состояния.

Чем дальше мы следуем за многочисленными свидетельствами последних дней великого русского писателя, тем большие сомнения одолевают нас. Врач Гоголя, светило медицины Иноземцев вначале предполагал (не ставил) своему пациенту такой удивительный диагноз, как тиф. Таковой эпидемии, как тиф, в стране на тот момент не было. Доктор Тарасенков при чрезвычайной худобе и слабости Гоголя свидетельствует, что у того “был полный и скорый пульс, язык чистый, но сухой, кожа имела натуральную теплоту (температуры не было. — В. С.). По всему видно, что у него не было горячечного состояния (которое сопровождает тиф), и неупотребление пищи нельзя было приписать отсутствию аппетита”. Тарасенков.

Окружающие Гоголя Толстые и врачи старательно заботились о том, чтобы больной ел и пил. Граф Толстой поехал к Митрополиту Филарету, чтобы словом архипастыря “воздействовать на расстроенное воображение кающегося грешника”. Филарет (ныне святитель Филарет) передал для Гоголя, что сама Церковь повелевает предаться в недугах воле врача. И что послушание выше постов и молитв, дабы он принимал пищу по послушанию. На что больной выпил немного вина для укрепления сил. На все увещания он отвечал тихо и кротко: “Оставьте меня”, “Мне хорошо”. (Плетнёв в письме Жуковскому.)

“Духовник о. Матфей приезжал к Гоголю из своей провинции очень часто. Священник приходил каждый день. При нём нарочно и сразу же подавались сало и чернослив. Священник приглашал Гоголя к трапезе, и тот неохотно, но ел с ним каждый день. Потом слушал молитвы. На вопрос священника, какие читать, отвечал: “Всё хорошо! Читайте, читайте!”

Пока он имел ещё силы писать, то записывал на длинных бумажках цитаты из Евангелия. Он был весь в Боге и с Богом! Земное, включая пищу, не интересовало его!

В понедельник второй недели Поста соборовался в полной памяти, держал свечу и плакал от умиления. На предложение принять пилюли душераздирающим криком закричал: “Оставьте меня! Не мучьте меня”. С этой минуты его оставили в покое...

О высоте и трезвости его состояния Духа говорят его последние слова, сказанные в полном сознании: “Как сладко умирать!”

Вспомни, Серёжа, первый приступ болезни в Вене, когда он от страха смерти не знал ни минуты покоя и не мог найти себе места. А у Толстого от страха смерти мороз пошёл по коже... Нет, в этой последней его фразе голы очищенной, здоровой и Богоносной души!

Конец же его был мучителен. Странно, что его как бы лечили, а вообще — добивали дипломированные врачи. Ему лили на голову холодную воду. Он стонал: “Матушка, что они со мною делают?” Насильно садили в холодную ванну, обматывали холодными мокрыми полотенцами и усыпали его нос пиявками, а он уже начинал бредить. Всё это проделывалось в ночь его кончины. Можно сказать, мученической! Он стонал, кричал, просил о помощи. Просил покоя... Ему держали руки, чтобы он не касался пиявок, которые почти заползали ему в рот. “Они распоряжались им, как сумасшедшим, кричали перед ним, как перед трупом. Врач Клименков приставал к нему, мял, ворчал, поливал голову каким-то едким спиртом, а когда больной от этого

стонал, продолжал поливать. “Что болит, Николай Васильевич? А? Говорите же!” Но тот стонал и не отвечал (Тарасенков).

21 февраля 1852 года Гоголь скончался...

Я не буду говорить о шумной реакции русской публики на его смерть и о многолюдных похоронах. Россия – удивительная страна, она не помнит зла. А русский народ – самый благодарный и благодарный в мире! Гоголевскую сатиру Россия проглотила легко и тут же забыла о ней!

Гоголь умер как христианин, православный христианин, что очень важно!

Отец Матфей свидетельствовал о полном его очищении перед смертью. Как духовник Гоголя он знал это, как никто...

Жизнь и смерть Гоголя – это трагедия посланца Божия (а по громаде дара и его силе он безусловно должен был исполнить великую миссию на земле, во всяком случае, для России). Но волею обстоятельств воспитания, окружения попал в крепкие вражеские сети смертного духа и его тайных обществ. Эта вражеская, по сути, камарилья отвела художника от его предназначенного ему пути и долга. В своих первых творениях, под одобрительное жужжание “друзей” он со всей опрометчивостью молодости, силою своего уникальнейшего дара вскрыл запретный сосуд с нечистью и описал её. Затем стал врачевать русскую жизнь, которую видел только из окошка своего тарантаса, выезжая за границу. Прошедший сквозь туман космополитизма, школу ложной духовности, насаждаемую масонскими ложами, он все же прозрел во время болезней. Господь наградил его и спас болезнью, в которой ему открылась суровая правда его заблуждений. Он и сам чувствовал, что находится под обольщением: “Дивись, сын мой, ужасному обольщению беса. Он всё силится проникнуть в наши мысли и даже в наше вдохновение!..”

“Переписка” с друзьями написана больше для себя. Это была собственная и первая попытка взглянуть на своё Отечество с должным уважением. Влияние о. Матфея, посещения Оптиной пустыни, беседы с такими столпами оптинского старчества, как о. Макарий, выбили из Гоголя тот мертвящий тромб, который не давал поступать в душу здоровой Божьей и народной энергии.

Он рванулся к Богу! Пусть не к России, но к Богу истинному, в Духе которого он был рождён, и в купели этого духа был крещён. Этот порыв стоил ему жизни земной, но муками предсмертными, той стойкостью, с которой он ни на шаг не отступил от своего спасения, он искупил свои ошибки и обрёл Царствие Божие!

Ты помнишь, Сергей, что в своём “Завещании” Гоголь, по многим особенностям своего организма, просил не хоронить его, пока не появятся явные признаки тления. Его же хоронили смешно, с гвалтом, судорожно требуя, чтобы его отпевали в Церкви Московского университета, этом гнездовище вольтеровских русофобских и антихристианских идей.

Я пишу тебе всё это, мой мальчик, вовсе не для красного словца. Я давно заметила твою тягу к сочинительству и желанию, как бы вскрывая тёмные стороны жизни, посмеяться над ними. Это верный путь к гибели. Зло криливо и на виду. Оно как бы дразнит тебя. Увлекаясь его описательством, можно утверждать его на земле. Кроме того, такой труд привлекает целые читательские залы, обещая дешёвый и быстрый успех...

Слово же Божие – уголь раскалённый. Будь осторожен. Много раз подумай, сможешь ли ты послужить им Богу и Отечеству. Ложь ведь может рядиться и в романтический плащ, и в мистический фартук, и в тогу правдоискателей. Только глаголы Евангельской вестии обнажают правду жизни, какой бы суровой она ни была и какова неказиста не была бы видом.

Живой кровью и единственной жизнью заплатил Гоголь за ложный путь, на который увлекло его тщеславие. И путём страданий и крестных мук продрался он сквозь терние сомнений к истине, чтобы написать в конце жизни: “Нет другой двери, кроме указанной Иисусом Христом, и всяк перелезай иначе, есть тать и разбойник”.

Помни об этом, Сергей.

*Твоя любящая крёстная мать
н. р. Б. Валентина*

Письмо четырнадцатое
Повторение пройденного

Серёжа, дорогой! Я поздравляю тебя с двойкой по реферату по Гоголю. Очень хорошая отметка для мыслящего юноши! Пишешь, что твой товарищ

скастал по интернету курсовую и получил четвёрку! Он получил её за знание компьютера, а ты – за два первых шага самостоятельно мыслить. За шаг по баллу – не так уж плохо! Дерзай, мой мальчик, и далее!

Для более глубокого усвоения материала повторим немного пройденное.

Ты спрашиваешь в письме, нужна ли вообще литература? Не знаю, Серёжа! Наверное, смотря какая... Та классическая литература, языком которой написаны библиотеки двух последних веков, отличается от предыдущих, как будто это культура другого народа. Отчасти так и есть. Наш народ – древнейший из народов. Он прошёл свой неповторимый путь от колыбели человечества, создавал и терял культуры, беспамятствовал и окормлял своим могучим духовным даром другие народы. Был бесстрашным воином и доверчивым ребёнком. Но литература была с ним всегда. Русские глаголы можно обнаружить и на египетских пирамидах, и на деревянных дощечках Велесовых книг, и на золотых пластинах этрусков, и на берестяных грамотах русского севера.

“Аристократы, демократы, либералисты, сервиллисты, – восклицал Карамзин, – кто из вас может похвалиться искренностью?.. Аристократы, сервиллисты хотят старого порядка, ибо он для них выгоден. Демократы либералисты хотят нового беспорядка, ибо надеются воспользоваться им для своих личных выгод”. Вот в какой “детской” воспитывался новый литературный язык России. Да, у него есть свои родоначальники!

Но до него (мы говорили об этом) была гораздо более высокая и духовносная литература древности. Она была духовной, повествовательной, исторической. Зачастую всё вмещалось в одно произведение. Она была обильной. Устное народное творчество обильно питало поколение за поколением. Литературу читала малая часть народа. Народ же творил устно. Из уст в уста!

Маленькая, замалчиваемая учёными исследовательская школа народной жизни и творчества сделала колоссально много по собиранию и сохранению народных корней. Культура “народников” идёт от Даля, Данилевского, далее Афанасьев, Сахаров, Терентьев, Максимов. Чем точнее и строже записаны свидетельства народной жизни, тем они весомее и значительней. На её страницах дышит неисправленный никакими министерствами и ложами язык народа, а значит, виден его путь.

Ближе к нему только так называемая “деревенская” литература. Я не буду перечислять тебе имена, её создавшие. Ты хорошо знаешь их. И список писателей, которые тасуются, как колода карт, в СМИ причисляемые к ней, далеко не полный и не точный. Но именно деревенская литература – для меня пока высочайшее достижение русской словесности и народной культуры. Именно она, рождённая в атеистические времена, ближе всех предстоит перед Богом. Потому что она народная, корневая. И корни её – в народном языке и его жизни. А русский народ по природе христианин!

И опять же, нужна ли литература человечеству?! А нужно ли человечество Господу без культуры?! Народ без языка и собственной культуры, потерявший все нравственные и духовные ориентиры и сошедший с проторённого его предками промыслительного пути нужен ли Господу?!

Да, культурой, в частности, словесностью нельзя подменять религию. Но она может и должна служить ступенькой к ней, алмазным резцом и указателем в руке Божией. Памятью народной и его очами! Если это высокодуховное и очищенное слово, пропитанное благодатью истинной любви!

Ты напрасно укоряешь меня, мой мальчик, в нелюбви к язычеству. Эта стихия – по сути, наша, славянская плоть, тело наше прекрасное, живое, как и земля русская. Но в этой сочной непостижимой щедрости наш многомудрый народ очень точно отделял свет от тьмы. Путь русов начинается от самой колыбели мирового человечества. Русы бесконечно щедро воздали планете Земля и Любовью, и Талантом, и Искусством, и Словом. Воззрения их на природу и Высшие силы поэтичны и образны. Мы всегда были созидателями, освоителями, охранителями, высокими Оберегами планеты. Русское язычество – наука и школа о высоте и низости Духа человеческого и земного, как и благодатного. И если в народной памяти и хранится нечистый дух, то только для предупреждения об опасности, чтобы будущие поколения знали и отличали сынов погибели от Сынов света... Нечистой силой не поиграешь безнаказанно, как попытался это сделать молодой Гоголь. Враг рода человеческого многолик и страшно коварен. Во времена Гоголя это Басаврюки, ведьмы, Панночки, полуденницы и прочее. Сейчас, когда мы оторвались от земли и становимся техногенной приставкой Люцифера, основателя Каиновой цивилизации, это пришельцы. Но это уже не наше, не русское язычество. Это гордыня другого народа. Но об этом мы поговорим чуть позже, на последних твоих курсах.

Пока же оторвись от Гоголя и перечитай Достоевского. Начни с начала его творческого пути и до “Карамазовых”. Очень важен в духовном человеческом развитии личности этот писатель. Но он не Спаситель. Помни об этом!

Славянство, язычество — светлая плоть наша, а Дух — христианство, выраженное всеобъемлюще полно и спасительно только в Православии.

Ну, вот и всё, Сергей. Вот уж Рождественский Пост, а там сочельник. И тихий таинственный свет Рождества. Свет небесной жизни. Обратимся к нему и “обрящем”...

*Твоя любящая крёстная
н. р. Божия Валентина*

г. Иркутск

ПОСЛЕСЛОВИЕ ОТ РЕДАКТОРА

“Возвращённые письма” Валентины Сидоренко — сочинение чрезвычайно нетривиальное и в то же время очень характерное для нашего времени.

Времени смещения всех критериев, разрушения всех ценностных иерархий, всех устойчивых констант — и времени новой попытки их обретения.

Письма Валентины Сидоренко своему крестнику о Гоголе — попытка взглянуть на творчество Гоголя с православной точки зрения, попытка раскрыть “трагедию” Гоголя, которая, по словам автора, “повторяет трагедию русского художника вообще”... Видно, что новое чтение Гоголя застало её, “пережившую сложную гамму чувств по отношению к классику: от почти... восторженного поклонения... до полного отрицания гоголевских творений”, отчасти врасплох, и каждое последующее её письмо — свидетельство очередного этапа незнания Гоголя и попытки его познать. Это письма *наставницы*, исполняющей свой долг крёстной матери, наставницы, которая сама сплошь и рядом допускает весьма грубые как фактические, так и смысловые ошибки.

Ответные письма своего крестника Валентина Сидоренко не приводит, но видно, что её собеседник во многом не согласен с её умозаключениями, и каждая попытка убедить его заставляет автора узнавать всё больше и больше.

“Не сиди в библиотеках”... “собирай портрет Гоголя сам, по крупичкам”... “ничего нового из этих библиотек ты не вынесешь”... Противоречая самой себе, наставница далее рекомендует всё же книги литературоведов, в частности, книгу С. Машинского, изданную в 1959 году, то есть в “советский период”, когда, по её словам, “биография... усердно переписывалась друг у друга всевозможными докторами и доцентами, которые налегали на бесовщину классика”... И любопытно проследить, как она сама “налегает” на эту так называемую “бесовщину”.

“Как играют в творениях молодого Гоголя наши глубинные славянские ключи и истоки... диво дивное, чудо чудное, образное воплощение Гоголем старорусской жизни на бумаге!” — восхищается наставница. И тут же предостерегает своего крестника: “...слишком глубоко копнул юный Гоголь историю, и с необыкновенною силою выразил не только живые лики своих земляков, но и тёмные силы, которые сопровождают всякую душу и её народ на всех их исторических весах. До Гоголя никто не дерзал писать беса в печатном слове!.. Он коснулся запретного, того, что закрыто в кованом сундучке глубинных генов... Страстная память его предков волохов, которую мало того, что вынул из огненной геены своего воображения, но вывалил на страницы книги, где до того печатался Часослов да Псалтири, на худой конец — бездарное западное морализаторство... Своим гением он живописал околосемную нечисть Басаврюков и Виев, колдунов и ведьм и, вскрыв, геенские истоки вечности, внедрил их вновь в сознание потомков...” Кажется, здесь в восприятии Валентины Сидоренко Гоголь неотличим от Басаврюка и Вия. “Нечистой силой не поиграешь безнаказанно, как попытался это сделать молодой Гоголь”.

Играл ли Гоголь “нечистой силой”? — хочется спросить наставницу. Вакула, герой “Ночи перед Рождеством” седлает черта и отправляется на нём “в Петембург, прямо к царице!” (здесь очевидно влияние древнерусской “Повести о путешествии Иоанна Новгородского на бесе в Иерусалим”), а после путешествия хлещет нечистого розгами. Весело, живо — и по заслугам, ибо никакого страха не испытывает он перед нечистью и не соблазняется её

посулами. Не то — Петрусь из “Вечера накануне Ивана Купалы” или Хома Брут из “Вия”. Первый соблазняется богатством, попадает в полную власть беса — убивает ребёнка и медленно сходит с ума. Второй каменеет от ужаса при виде ведьмы, сам позволяет ей себя оседлать, а при отчитке нечистой в церкви не выдерживает явления Вия со свитой и гибнет, будучи не в силах справиться с собственным ужасом.

Временами кажется, что слово Гоголя гипнотизирует и пугает саму наставницу, и она стремится оградить от этого страха своего крестника. “...он никогда не жил реальностью... жил воспалённым воображением... страсть Гоголя к уродливым сторонам жизни, воплотившаяся позднее в его творчестве с удесятёрённой силою... перестал различать свет от тьмы...” Сам гоголевский юмор кажется ей чем-то устрашающим:

“Жизнь человеческая — бесценный Дар Божий, можно ли его исказить цинизмом? А любая насмешка есть надругательство, и пресловутое чувство юмора — не что иное, как тонкий яд цинизма, холодная омертвелость души”.

Юмор и цинизм — не одно и то же. И искрящийся юмор Гоголя не имеет с цинизмом ничего общего. “Смех значительней и глубже, чем думают. Не тот смех, который порождается временной раздражительностью, жёлчным, болезненным расположением характера; не тот также лёгкий смех, служащий для праздного развлечения и забавы людей, — но тот смех, который весь излетает из светлой природы человека, излетает из неё потому, что на дне её заключён вечно быющий родник его...” Это — сам Гоголь.

Но у Валентины Сидоренко своя сверхзадача: отслоить Гоголя благотворного от Гоголя “дьявольского”, показать своему крестнику, как и чем Гоголь может быть для него “опасен”. И следуя по вехам гоголевской биографии, она, раскладывая, “разнимая” цельный художественный мир классика на “полезную” и “вредную” составляющие, сплошь и рядом солидаризируется с прижизненными критиками писателя, не пожелавшими понять уникальное гармоничное единство творческого мира Гоголя. Особенно это касается страниц, посвящённых “Мёртвым душам”.

“Прочитав “Мёртвые души”, Россию не полюбишь. Её не жаль такую потерять! Её можно только исправлять и перестраивать... Такую Россию трудно назвать матерью... Все эти образы, высосанные из пальца воображения, — повод от неё отречься! Но таковой России и не было!”

А на следующей странице: “Она была разною, конечно”.

Конечно, разною. Но эта оговорка не в состоянии ослабить впечатление от предыдущего приговора, слишком напоминающего приговор Николая Полевого в “Русском вестнике”: “Ложь”, “кривлянья балаганного скомороха”, “побасёнки”. “Побасёнки... — ответил в “Театральном разъезде” Гоголь. — А вон протекли веки, города и народы снеслись и исчезли с лица земли, как дым унеслось всё, что было, а побасёнки живут...”

“Противники западного либерализма”, о которых пишет Валентина Сидоренко, ей, естественно, ближе, нежели “западники”. Среди милых её сердцу авторов она упоминает Константина Аксакова. А он так высказался о гоголевской поэме: “На какой бы низкой ступени ни стояло лицо у Гоголя — вы всегда признаете в нём человека, своего брата, созданного по образу и подобию Божию”.

Да, конечно, можно здесь вспомнить и Достоевского: “Явилась потом смеющаяся маска Гоголя; с страшным могуществом смеха — с могуществом, не выражавшимся так сильно ещё никогда, ни в ком, ни в чьей литературе, с тех пор, как создалась земля. И вот после этого смеха Гоголь умирает перед нами, уморив себя сам, в бессилии сказать и в точности определить себе идеал, над которым бы он мог не насмехаться”.

Отсюда пойдёт и Василий Розанов с его “Двумя этюдами о Гоголе”, написанными, мнится, дрожащей от страха рукой (потом уже Тынянов договорится до гоголевской “словесной маски”). Но вот тот же Достоевский: “Он постиг назначение поручика Пирогова; он из пропавшей у чиновника шинели сделал нам ужасную трагедию. Он рассказал нам в трёх строках всего рязанского поручика — всего до последней чёрточки”.

Слишком объёмен гоголевский мир, чтобы не возникла соблазна “разъять” его — и зафиксировать в точке “разъятия”. Наш автор — не первая и не последняя в своих попытках судить классическую русскую литературу (Пушкина, Гоголя) с точки зрения православного канона, неизбежно упрощая и даже примитивизируя предмет своего рассмотрения. Временами её голос обретает подлинный пафос, слово крепнет и звенит, и разговор о человеческой судьбе писателя становится по-настоящему проникновенным. Но как было бы хорошо,

если бы в тексте не встречались при этом размашистые и не имеющие никакого отношения к действительности сентенции и прямые фактические ошибки.

Ф. Булгарин всего лишь напечатал стихотворение Гоголя “Италия” в “Северной пчеле” и никогда не устраивал его “писарем в III Отделение, в канцелярию”. Гоголь служил писарем в Департаменте государственного хозяйства и публичных зданий, а позднее — помощником столоначальника в Департаменте уделов, возглавляемом гофмейстером и кавалером Л. А. Перовским, и Булгарин к этим местам службы не имел никакого отношения.

“Белинский, обольстивший Гоголя”, — это сущий миф. И это “обольщение” никак не может датироваться 1833 годом! “Дом Вьельгорских имел абсолютное и роковое, пожизненное влияние на судьбу и творчество писателя”. Поверхностное знакомство Гоголя с Вьельгорским не даёт ни малейшего основания для подобного утверждения. С “домом Вьельгорских” отношения завязались уже во время пребывания Гоголя в Риме. Слова о “нехристианском волнении” Гоголя лишь прелюдия к совершенно ошеломительному “открытию”: оказывается, “он был чистым католиком”! С чего бы это? А с того, что Гоголь был восхищён Римом. Надо ли объяснять, что одно совершенно не вытекает из другого? Что здесь нет никакой причинно-следственной связи?

И отчего же Валентина Сидоренко не процитировала до конца фразу из письма Гоголя М. П. Балабиной из Рима от 7 ноября 1838 года: “Здесь бы, может быть, я бы рассердился вновь и очень сильно — на мою любезную Россию, к которой гневное расположение моё начинает ослабевать, а без гнева — вы знаете — немного можно сказать: **только рассердившись, говорится правда**”. Выделенные слова, опущенные у Сидоренко, совершенно по-иному освещают всю гоголевскую мысль.

Когда я читаю, что “Выбранные места из переписки с друзьями” и “Авторская исповедь” “вышли в свет в Советской России только по её окончательном закате”, то думаю: какие собрания сочинений Гоголя Валентина Сидоренко держала в своих руках? Достаточно назвать собрание, вышедшее в 1978 году в издательстве “Художественная литература” (т. 6). Прочитано автором о Гоголе вроде бы много — но как!

Когда я читаю в этих письмах о “плодах просвещённого масонства”, я думаю, что их автор, к сожалению, знакома с не слишком качественными работами по этой теме, в частности, с работами дилетанта Виктора Острецова. Тема слишком непростая и острая, чтобы можно было хохом объявить “масонским” всё просвещённое дворянство начала XIX века и утверждать, что на это “просвещённое масонство” “поработал” Гоголь... Кстати сказать, хотел бы обратить внимание *наставницы* на глубокое и остроумное прочтение “Ревизора” в этом контексте в статье Бориса Куркина, опубликованное в нашем журнале (“Оперативное дело “Ревизор” № 11, 2011).

Но дело даже не в тех или иных фактических несуразностях. Достаточно положить в фундамент своих рассуждений одно ложное или дурно понятое положение — и всё “здание” начинает шататься, грозя рухнуть. Так идея “работы на масонство” органически сращивается с идеей “дурного смеха” у Гоголя, с образом Гоголя — “чистого сатирика”. Не единожды было указано и мудрыми современниками, и последующими серьёзными исследователями, насколько упрощённо и однобоко представление о Гоголе “Ревизора” и “Мёртвых душ” как о чистом сатирике. Достаточно вспомнить того же “соблазнителя” Белинского: “Нельзя ошибочнее смотреть на “Мертвые души” и грубее их понимать, как видя в них сатиру... Находя лица, изображённые Гоголем, особенно безнравственными и глупыми, довольно ребячески преувеличивают дело и грубо не понимают”.

Стоит здесь привести в странных выдержках лишь одно размышление о сём предмете из статьи В. В. Кожина “Чаадаев и Гоголь”, написанной ещё в 1967 году (это к вопросу о том, что иногда можно “вынести” из библиотек).

“Национальная самокритика, воплощённая в поэме Гоголя, представляла собою не “отрицание” и сатирическое “разложение” русской жизни, а объективное раскрытие её “неразумного”, “дикого” состояния (я обратил бы здесь внимание Валентины Сидоренко на кавычки, в которые заключены эти слова. — С. К.), при котором народная субстанция ещё дремлет, ещё не нашла себе ни осознания, ни сколько-нибудь определённой формы, хотя вместе с тем уже вышла из древнего “героического” века. Такое “состояние”, в сущности, и невозможно “отрицать”...

Герои Гоголя не могут и не должны вызывать у непредвзятого читателя отращения и негодования подобных тем, какое вызывают, скажем, иные герои

Щедрина. И горы разоблачений и обвинений, которые обрушены на этих героев во многих литературоведческих работах, подчас просто смешны...

В обители Собакевича, в озорстве Ноздрёва, в “дремучести” Коробочки и даже в безудержной маниловской мечтательности и в беззаветном, не щадящем самого героя разгуле плюшкинской скупости воплощён тот же, по слову Белинского, “русский дух”, та же вольная бесшабашность и широта, которые в иной, идеализированной форме воплотились в лирических отступлениях о дороге, о песне, о тройке...

Но самое главное в другом (обращаясь к тому же Кожинуву): “... Исследователь должен, осваивая весь духовно-исторический размах творчества Гоголя, ни на одно мгновение не отвлекаться от ткани гоголевского повествования, ибо гениальность художника проявляется не в том, что где-то “под” этой тканью сокрыт некий всеобщий смысл, но в том, что сама эта самобытная повествовательная ткань насквозь и в каждой мельчайшей своей частице пронизана глубоким и всеобщим смыслом...” (см. “Гоголь: история и современность”. М., 1985. С. 6).

И этот смысл прекрасно понимали столь любимые Валентиной Сидоренко “деревенщики”, в частности — Василий Белов. Достаточно начать читать его “Кануны” — и невозможно не усмотреть властного и благотворного влияния Гоголя.

Я отдаю себе отчёт в том, что Валентина Сидоренко, как она сама пишет, “не филолог, не книжный жук профессорского звания”, что это её “индивидуальный опыт постижения Гоголя”, и, возможно, мои рекомендации идут по “параллельной прямой”. Ещё раз отмечу: очень характерный подход к классике для нынешнего времени мы наблюдаем в “Возвращённых письмах” и очень типичный многодесятилетний приём “разъятия” целостного творческого мира писателя присутствует в них. И всё же, всё же, всё же... Однобокость и узость взгляда временами настолько очевидны, что невозможно не отметить их, вполне понимая природу этой “узости” и во многом разделяя пафос крёстной матери, желавшей добра своему крестнику и радующейся его первым “двум шагам самостоятельно мыслить”.

“Но я молюсь, молюсь сильно в глубине души моей... да отлетит тёмное сомнение обо мне, и да будет чаще сколько можно на душе твоей такая же светлость, какою объят я весь в сию самую минуту” (Гоголь — Н. М. Языкову, сентябрь 1841).

“Да отлетит тёмное сомнение обо мне...” Это обращено не только к современникам. Это обращено и к потомкам.